

СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВ

МИЛЛИОНЕР

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, НО НАДО ЖЕ
И СОВЕЩАТЬ ЗНАТЬ

Е.А. ИСАЕВИ

Сергей Сергеев

Миллионер

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178616
Сергей Сергеев. Миллионер: АСТ, АСТ МОСКВА; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057658-6, 978-5-403-00654-5*

Аннотация

Основано на реальных событиях! Подлинные эффективные технологии черного рейдерства в новом захватывающем романе известного российского бизнес-аналитика Сергея Сергеева.

Банкир Александр Максимов принимает предложение возглавить процветающую компанию «Интер'полюс», не подозревая, что он лишь пешка в руках людей, желающих заполучить прибыльный бизнес. Наезд налоговой полиции, информационное киллерство, поджоги, подкуп, убийства – все это шаги в сложнейшей многоходовой комбинации черного рейдера Рюмина. Но и Максимов не лыком шит. Понимая, что оказался в центре настоящей войны, он начинает вести свою игру. Ведь на кону **ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ**, и достанутся они лишь одному –победителю!

Содержание

Глава 1: На живца	4
Глава 2: Консультант стоит дорого	26
Глава 3: Догадки и сюрпризы	52
Глава 4: Штрафной удар	70
Глава 5: Сезон охоты	88
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Сергей Сергеев

Миллионер

– Слушайте меня все! Он появился! Ловите его немедленно, иначе он натворит неописуемых бед!

– Что? Что? Что он сказал? Кто появился? – понеслись голоса со всех сторон.

– Консультант! – ответил Иван...

Глава 1: На живца

«Каждому бизнесмену – по явке с повинной!» – возвещало кумачовое полотнище, прибитое над лестницей.

В фойе из-под полы наливали коньяк. Девушки в красных пионерских галстуках и мини-юбках предлагали пиво.

– Кружечку пенистого, красавчик? – предложила «пионерка» с вызывающей грудью и откровенно наглыми глазами.

– Спасибо.

– Спасибо – нет или спасибо – да?

– Пиво не пью, – с извиняющейся улыбкой успел сказать вслед уходящей «пионерке» слегка ошарашенный Александр Максимов, выпускник Высшей школы экономики и престижного западного университета.

Накануне самолет доставил его в Москву из Лондона, где

в течение пяти последних лет он работал в одной из крупнейших консалтинговых фирм. Завтра предстояла встреча с российским работодателем – известным в московских кругах бизнесменом Рюминым, предложившим Максимову исключительно выгодный контракт. Решив, что на Западе такие деньги заработать за год нереально, Максимов согласился.

Предполагалось, что сегодняшний вечер будет посвящен знакомству с культурной жизнью столицы. В роли экскурсовода и змея-искусителя выступал молодой, очень подвижный и какой-то верткий парень по имени Георгий, которого Рюмин рекомендовал по телефону как «эксперта по маркетингу».

– Бородин или просто Борода, но не Сифон, – представился Георгий при встрече и загадочно рассмеялся.

Максимов, который не видел ни одной из историй про Бороду и Сифона – «бомжей» с Рублевки, шутки не понял, но по причине природной вежливости с пониманием улыбнулся. Впрочем, какое уж тут понимание – понимал в окружающем его мире Максимов все меньше.

Поднявшись по лестнице на второй этаж кинотеатра, он некоторое время постоял у плетня, за которым, сидя на пне, задорно играл на баяне опухший субъект в ушанке и телогрейке.

– Иван Никифорович, – сообщил баянист и погладил козу, лежавшую рядом на сене.

Коза равнодушно посмотрела на Максимова и передернула ушами.

– Фильм смотреть будем? – спросила говорящая коза.

Максимов сделал шаг назад и чуть не сбил с ног Георгия, возникшего из воздуха.

– Клево, правда? – поинтересовался Борода – он притащил теплый коньяк в кружке, тронутой по краям ржавчиной. – Фильм смотреть будем, спрашиваю?

«Ах это он. Коза здесь ни при чем. Чертовщина какая-то», – с облегчением вздохнул Максимов.

– Нравится? – не отставал Борода. – Так как насчет фильма?

– Может, в другой раз? – робко заметил Максимов.

– Да легко! – охотно согласился Георгий. – Тем более что я его уже видел. Здесь рядом галерею бутиков открыли. Класс! Органоморфный дизайн. Не выговоришь, блин! Все предметы в форме органов.

– Каких органов? – насторожился Максимов.

– Человеческих! Ну, там, сердце, почки, печень, у кого она осталась, ха-ха! Цвета – зашибись! Очень яркие. Желтые, оранжевые. Прикольно. Автор – профессор университета из Филадельфии. – И Борода назвал восточное имя знаменитого американского дизайнера.

– Он профессор? – изумился Максимов, вспомнив обильную татуировку этого культового художника, часто приезжавшего в Лондон.

«А теперь в Москву, значит, наладился».

На городские пейзажи профессор посматривал сквозь свои огромные кислотные очки с нескрываемым скепсисом. Поговаривали, что этот мировой чудесник предложил пере-красить Биг-Бен в пронзительные цвета детской неожиданности, но не встретил сочувствия у консервативных британцев.

– Хотя поздновато. Я как-то сразу не подумал. Наверное, закрыли галерею. Органы отдыхают, – замылся Георгий, в планы которого вообще-то посещение бутиков не входило. – Предлагаю другой вариант. Ночной клуб. Сегодня немцы выступают.

– Идет, – согласился Максимов.

О своей уступчивости он пожалел ровно через пять минут после начала представления.

Голый по пояс мужчина, закопченный, словно потомственный кочегар, резал бензопилой деревянный брусок. По соседству с «человеком-пилой» его коллега оглушительно долбил стену перфоратором. Звук, напоминающий надсадный вой сломанной бормашины, органично дополнялся истошным металлическим уханьем – один из музыкантов подпрыгивал на листе кровельного железа, а заодно хлестал алюминиевыми трубками по металлическим пружинам.

«Сумасшедший дом!» У Максимова нестерпимо заломило затылок.

– А нет чего-нибудь поспокойнее? Джаза, например?

Бородин с искренним сочувствием кивнул и показал в сторону выхода.

– Не пугайтесь, это клуб только для своих, – доверительно сообщил он через некоторое время, осторожно проводя Максимова через подозрительно темный двор.

– Но здесь нет даже вывески!

– Я же говорю, для своих. Классическая музыка устроит?

– Идеально.

– О чем и речь. Классика, кстати, тоже вставляет не по-детски. Кто понимает, конечно, – проникновенно поделился своей мыслью Бородин. – Осторожно, не навернитесь. Япона мать – какая лестница крутая!

В заброшенном подвале было темновато. На стенах чадили смоляные факелы. В углу вместо бара стояли две канистры.

– Коньяк, – сообщил всезнающий Бородин. – Сейчас налью по кружечке.

Максимов утонул в безразмерной подушке, брошенной прямо на земляной пол, и вскоре почувствовал, что музыка обволакивает, расслабляет, убаюкивает.

Засыпая, он вновь, но уже без внутреннего протеста, а с умиротворенной обреченностью и тихой нежностью подумал: «Сумасшедший дом».

Генеральный директор компании «Консалт энд Бэнкинг», или сокращенно «К&В», Валентин Борисович Рюмин нетерпеливо посмотрел на часы. Встречу с выписанным из Лондона новым специалистом Александром Максимовым он предусмотрительно назначил на три часа дня – сразу после обеда.

Рюмин предполагал, что после вчерашней экскурсии по московским знаковым местам Максиму понадобится отдых, и хотел, чтобы он приехал на беседу свеженьким.

Однако даже многоопытный Валентин Борисович ошибся.

Борода докладывал, что новенький не пьет и даже не курит, хотя от впечатлений слегка «поплыл».

«Пионер какой-то, физкультурник. Впрочем, сейчас это модно», – подумал Рюмин.

Он и сам практически не пил – даже в те времена, когда это считалось неприличным и подозрительным. И надо сказать, эти подозрения не были лишены оснований.

Рюмин был убежденным трезвенником не потому, что не мог выпить, – мог, и немало, хотя и без особого удовольствия, – а по причине благоприобретенной подозрительности. Он рос без отца, под присмотром истеричной и издерганной матери, которая внушила ему, что подарков от судь-

бы ждать не стоит. С детских лет Валентин Борисович воспринимал окружающий мир как дремучий лес, скрывающий кровожадных хищников и прочие опасности. Он не верил никому и никогда, а значит, рассупонивание и дружеское братание за бутылочкой-другой исключались по определению. Поэтому другие трезвенники симпатии у Валентина Борисовича не вызывали. Он слишком хорошо знал себя, чтобы доверять людям, которые хотя бы в чем-то походили на него.

– Валентин Борисович, к вам господин Максимов, – раздался по линии громкой связи голос Галины Юрьевны, элегантной и уже немолодой дамы, которая многие годы провела в самых высокопоставленных кабинетах, а нынче несла вахту в приемной Рюмина.

Длинноногих девиц с откровенными «сучьими» глазами Валентин Борисович к серьезным делам не допускал, а свою приемную он справедливо относил к числу самых сакральных мест.

«Ну что же, посмотрим на это чудо консалтинга».

– Пусть войдет, – сказал Валентин Борисович и отключил громкую связь.

Максимов выглядел так, как и ожидал Рюмин.

Высокий. Аккуратная стрижка – волосок к волоску. Черные ботинки «Джон Лобб», модный костюм одной из фирм, изделия которой принято считать символом успеха.

Пиджачок, на вкус Рюмина, был коротковатым и кургу-

зым, брюки слишком в обтяжку, но так сейчас модно.

Слегка выбивался из общего ансамбля шелковый галстук «Гермес» с классическим геометрическим рисунком. Обычно их носят успешные предприниматели постарше, но, видимо, Максимов сознательно сделал этот выбор, как бы давая понять, что уже претендует на роль солидного бизнесмена.

Фигура статная – наверняка старательно нагружает себя фитнесом. Глаза внимательные, но без внутренней агрессии.

«Хорош бойскаут».

– Присаживайтесь! – Валентин Борисович широким жестом указал на диван, перед которым стоял антикварный столик из карельской березы, а сам устроился напротив – в кресле из мореного дуба.

На Валдае у Рюмина был знакомый мастер, который вручную резал такие вот чудеса – иностранцы принимали это за подлинную готическую мебель.

Максимову понравился гостеприимный хозяин. Когда нужно, Валентин Борисович умел производить впечатление демократа, а заодно человека радушного, слегка рассеянного и абсолютно безобидного. Это был один из его излюбленных образов в обширной галерее мастерски освоенных ролей и психологически выверенных приемов.

– Как вам Москва? Давно не были в родном городе? Много изменилось. Да, сейчас столица не только мировой финансовый центр, но и Мекка культуры!

Максимов вспомнил про баяниста с козой и погрустнел.

Вообще-то «Мекку культуры» он представлял себе иначе.

– Спасибо за оказанное внимание. Вчера с Георгием мы увидели много интересного, – счел своим долгом поблагодарить Максимов.

– Да, я в курсе. Тогда перейдем сразу к делу, не возражаете? – вежливо спросил Рюмин.

Максимов не возражал.

– Я пригласил вас поработать над конкретным проектом. Мы заключили контракт о консалтинге с горно-металлургической компанией «Интер-Полус». Очень перспективный бизнес. Компания показывает небывалый рост по всем направлениям. За три года капитализация выросла в два раза. Активы – несколько перерабатывающих предприятий и весьма перспективные месторождения. Акции компании торгуются на фондовых биржах в Москве. Они уже освоили выпуск американских депозитарных расписок – крутятся в Лондоне и на внебиржевом рынке США.

– Да, мне встречались эти бумаги, они постоянно растут в цене, – заметил Максимов.

– И это правильно, – оживился Рюмин. – Я бы даже сказал – закономерно. У них понятная стратегия развития. Сейчас «Интер-Полус» делает ставку не на дальнейшую скупку месторождений, а на их развитие. Понятно, что это приведет к росту добычи. А при нынешних ценах на сырье – в общем, сами понимаете. Одновременно планируются модернизация производства и введение в строй новых фабрик. Стратегия

разработана до 2020 года.

– Впечатляет. Западные инвесторы часто говорят, что самые интересные проекты сейчас в России.

– Вот именно! А деньги по-прежнему на Западе. К сожалению! Объемы финансирования, которые предлагают на российском рынке, не сопоставимы с тем, что можно получить за рубежом. Поэтому руководство «Интер-Полюса» приняло решение о первичном размещении акций на Лондонской бирже. Не скрою, решение принято не без моего участия. Вам же знакомы технологии IPO?

– Да, собственно, мне этим и приходилось заниматься последние годы, – поскромничал Максимов.

– Мы предлагаем вам возглавить консалтинговую группу, которая проведет аудит «Интер-Полюса» и подготовит компанию к выпуску акций для размещения в Лондоне. Условия вы знаете. Согласны?

Вопрос носил формальный характер. Максимов уже дал согласие подписать контракт, но Рюмин любил придавать даже скучным ситуациям театральную интригу, тем более что в этом разговоре развязка была еще впереди.

– Контракт я читал, меня он устраивает, – подтвердил Максимов.

– Отлично, тогда я подписываю! – Рюмин не без торжественности извлек из кожаной папки трудовое соглашение с Максимовым и подписал его на каждой странице.

Вслед за Рюминым торжественный обряд посвящения со-

вершил и Максимов.

– И еще два дополнения, – неожиданно жестко сказал Рюмин. – По мере выполнения условий контракта руководство «Интер-Полюса» может высказывать и дополнительные просьбы. Начнем с аудита, а выяснится, что нужна кардинальная реорганизация компании. Это посерьезнее, чем подготовка к размещению акций. Я попрошу – отнеситесь с пониманием. Западные консультанты сразу же начинают стонать – дескать, об этаких работах мы не договаривались, контракт их не предусматривает и все такое. Меня «плач Ярославны» не устраивает. Он никого не устраивает. Это Россия. Здесь нужно быть гибким и готовым поработать не за страх, а за совесть. Если возникнут новые задачи, следует их решать по мере поступления. Так что никаких отказов! Все дополнительные просьбы вы должны согласовывать со мной, и будем совместно думать, как удовлетворить заказчика.

– Да, я понимаю. В принципе все консультанты заинтересованы в расширении заказа. Дополнительная работа меня не пугает. Но может потребоваться привлечение новых специалистов более узкого профиля.

– Это пусть вас не беспокоит. Привлечем кого надо, договорим и еще раз привлечем. Значит, договорились? Разумеется, все трудозатраты будут учтены при окончательном расчете – в виде бонусов, премий или другими разумными способами.

– Нет возражений.

– И второе. Вас представят как руководителя консалтинговой группы. Это отражает вашу функцию. Но вы должны четко понимать, что главным консультантом для «Интер-Полюса» в реальности буду я и никто другой. Я к славе не стремлюсь и на почетные звания не претендую. Но договоримся, что консультант номер один – это генеральный директор компании «К&В» в моем лице, а вы мой эксперт. Ни одна рекомендация, ни один вывод не должны ложиться на бумагу без моей визы.

Такая постановка вопроса Максимову уже не очень нравилась. Получалось, что ответственность за консалтинг несет он, а содержание документов и рекомендаций будет определять Рюмин.

«Впрочем, он же хозяин этого бизнеса. К тому же в России роль собственника всегда была более авторитарной, чем на Западе. Ладно, будем иметь в виду эту специфику. Но только почему он говорит это после того, как я подписал контракт? Что это меняет? Он же разумный человек», – подумал Максимов.

– Я согласен.

– У вас, кажется, нет детей? – неожиданно спросил Рюмин.

– Пока нет.

– Будут! В России это происходит быстрее, чем на скучном Западе. Поверьте моему опыту. Для вас с женой места в квартире более чем достаточно, и даже для двоих детей

останется.

Одно из основных достоинств контракта с Рюминым состояло в том, что компания «К&В» бесплатно выделяла новому консультанту квартиру в центре города, которую в дальнейшем можно было выкупить в кредит на льготных условиях. Предоставлялись также престижный автомобиль и снятый на год номер в подмосковном санатории.

Компания вообще брала на себя решение всех бытовых вопросов, вплоть до доставки мебели из Лондона и ее расстановки. Для этого жена Максимова Екатерина получила план будущей квартиры, на котором она с превеликим удовольствием нарисовала, как поставить мебель, разместить напольные светильники, развесить картины и семейные фотографии.

– Галина Юрьевна, господин Максимов освобожден, пригласите Кристину, пусть покажет его апартаменты, – вновь воспользовался громкой связью Валентин Борисович.

Через несколько минут в приемную за Максимовым зашла Кристина – длинноволосая блондинка в дорогом элегантном костюме.

– Кристина сама представится, – пообещал Рюмин.

В стеклянном лифте Максимов и его спутница поднялись на пятый этаж.

– Вот ваш кабинет, – сказала Кристина и незаметным жестом откинула назад волосы.

Максимов с изумлением увидел на двери табличку с соб-

ственным именем.

«Надо же – они все подготовили еще до того, как я подписал контракт. Сильный ход!»

– А вы где работаете? – спросил Максимов.

– Я ваш заместитель.

– Вы консультант?

– Не совсем. Я представляю компанию «Интер-Полюс», – сказала Кристина и распахнула перед Максимовым дверь в его новый кабинет.

* * *

Москва, 1988 год, июнь

Комната напоминала шкаф – узкая и с высоким потолком. Все пространство было заполнено клубами табачного дыма – сгрудившиеся на стульях мужчины курили. Не вынимал сигареты изо рта и начальник – худощавый мужчина неопределенного возраста, укрывшийся под фамилией Сидоров. Он сидел за письменным столом спиной к окну, в которое был виден памятник Феликсу Дзержинскому, возвышающийся посреди круглой площади.

У самой двери пристроился Валентин Борисович, который пришел на прием в точно назначенное время, но попал на затянувшееся совещание.

– Посиди, сейчас закончим, – по-свойски сказал ему Сидоров, которого Рюмин видел в первый и, как выяснилось

через некоторое время, в последний раз в своей жизни. – Какого же хрена выеб...сь с этим п...ром? – продолжил совещание Сидоров, слегка сбавивший обороты речи при виде посетителя.

Валентин Борисович не любил забористых русских словечек и никогда не ругался матом.

Через пять минут он почувствовал себя дурно. Вонючий дым терзал гортань и нестерпимо резал глаза. Матерщина липла к телу, как грязное белье.

Несмотря на сложные условия, догадливый Рюмин быстро понял, что участники сходки просматривали списки иностранных студентов одного из московских вузов. Сноровисто, не теряя зря времени на дискуссии, они делили студентов на три категории – вербовать, компрометировать и выдворять или продолжать изучение.

В роли верховного арбитра выступал Сидоров. Он жонглировал «человеками» с непостижимой быстротой карточного каталы. Только по ему ведомым признакам он разгадывал в матерных и часто несвязных пояснениях подчиненных, кто из студентов представляет реальный «вербовочный интерес», а где – начудили, нахреничали и вообще вешают лапшу на уши.

– Всех разобрали, архаровцы? Никого не забыли? – Сидоров еще раз посмотрел в разложенные перед ним бумаги, шурясь от едкого дыма.

«Стопроцентный охват, каждого ждет одна из трех кате-

горий», – изумленно подумал Рюмин.

После окончания юридического факультета университета он попал в более элитное подразделение органов, которое занималось изучением и вербовкой приезжающих в страну зарубежных коммерсантов. Это были, как правило, солидные люди со связями в советской внешнеторговой номенклатуре. Бесцеремонное отношение к ним и такой вот «стопроцентный охват» были нежелательны и невозможны. Его работа требовала избирательности и деликатности.

Здесь же все выглядело намного проще.

«Неужели всех?!» – вновь ужаснулся Рюмин и беспокойно заерзал.

Сидоров пристально посмотрел на «визитера», скривился и обреченно махнул рукой.

«Он, кажется, умеет читать мысли, – догадался Рюмин. – Понятно. Говорим одно, а делаем другое. Наши желания не совпадают с нашими возможностями. Втираем помаленьку. Но это везде так».

«Экстрасенс» Сидоров благожелательно улыбнулся и, как показалось Рюмину, даже подмигнул. Впрочем, в условиях вонючей задымленности могло померещиться все, что угодно.

– Ладно, тогда закончили. Все свободны, – подвел итог совещанию Сидоров.

Дождавшись, пока «мужики» протиснутся в коридор, Сидоров, а точнее, его невнятный силуэт, окруженный плаваю-

щами многослойными облаками дыма от дешевых сигарет и «Беломора», устало предложил:

– Садись поближе. Кто тебя интересуется?

– Жан Фурнье.

– Ах да, помню. Хотели мы его «вербануть» или на худой конец выдворить. Не успели. Жаль. Парень хороший. А вам-то он зачем?

– У него отец крупный коммерсант и перспективы хорошие.

– М-да, жалко отдавать. Мы уже клинья стали подбивать – и тут ваше начальство позвонило. Ну да хрен с ним! Не пообедем. Он выезжает из страны через две недели. Можете передать привет от его девушки Наташи.

– Ваш человек?

– Да, она у нас на связи.

– Привета маловато будет. Есть с ним какие-либо договоренности?

– Да все есть! Вообще вы молодцы. Как дерьмо лопатой разгребать, так это – мы. А за бугор ехать или ордена получать – извини, подвинься! – взорвался Сидоров.

Ему действительно было очень обидно, что в Париж для охоты на Фурнье поедет не он или кто-нибудь из его сотрудников, а хрен с горы.

– Там легко сгореть. А потом всю жизнь горевать, что поехал, – возразил Рюмин.

– И волосы на заднице рвать. Это верно. Ладно, держи все

данные на Фурнье. Детали сами отработаете. И не забудьте мне коньячку из Франции привезти. Хотя от вас дожدهшься! Кстати, кто на вербовку поедет?

– Поручили мне, – сказал Рюмин.

Сидоров впервые воздержался от мата и посмотрел на него сочувственно:

– Про коньяк не забудь и презервативы с усами!

* * *

Париж, 1988 год, сентябрь

В очках с роговой оправой, вечно помятом пиджаке и с потертым портфелем Валентин Борисович, несмотря на молодость, походил на задроченного жизнью преподавателя. Но безобидная внешность была обманчива.

Рюмин не любил людей – никаких. Ни соотечественников, ни иностранцев, никого. Иногда он сам задумывался, почему его раздражают все окружающие. Можно было бы объяснить это желанием преуспеть, добиться власти и связанных с ней материальных приятностей. В этом случае люди действительно являлись не более чем инструментом, материалом, неизбежным злом и препятствием на пути к светлому будущему. Однако эта стройная система не объясняла всего многообразия настроений и реакций Валентина Борисовича.

Он не любил прежде всего людей умных, так как они представляли наибольшую опасность для его триумфального ше-

ствия по жизни. Именно поэтому в числе его приятелей, а впоследствии, когда он преуспел, среди тех, кого он поддерживал по жизни и продвигал по служебной лестнице, преобладали серые личности, вызывавшие у Рюмина приятное ощущение превосходства.

Однако раздражали и эти придурки.

Некоторые – таких было большинство – по причине откровенного примитивизма, унижавшего тонкую душу Рюмина. Другие, что еще хуже, проявляли себя лукавцами, которые разгадали комплексы Валентина Борисовича и использовали их в собственных интересах, применяя против своего благодетеля его же оружие.

К какой категории следовало относить Жана Фурнье, пока было неясно.

С одной стороны, он проявил слабинку, попавшись в сети коварной контрразведки и связавшись с некоей Наташей – имя наверняка вымышленное, – полюбившей его далеко не бескорыстно. Однако Фурнье был умным парнем.

Это у Рюмина сомнений не вызывало – он внимательно прочел его оперативное дело – толстый том агентурных сообщений, данных наружного наблюдения, прослушки телефонов и помещений, а также ознакомился с заключениями психологов. «Неужели он не понимает, что Наташа – наша подстава? Не может быть! А если это так, значит, он сам подстава и меня уже ждут местные “Сидоровы”».

Валентин Борисович прекрасно понимал, что попал в

сложную, а фактически безвыходную ситуацию. Он вообще не разделял восторгов своих коллег и знакомых по поводу заграничной командировки. Слишком многое от него не зависело. Риски явно перевешивали возможные плюсы.

Ну съездит он в Париж – «сто лет бы его не видеть», – завербует этого самого Фурнье, что весьма сомнительно, получит за свой «подвиг» почетную грамоту или медаль, а дальше что? Жди всю жизнь, пока какой-нибудь долбоеб не завалит агента или его не продаст очередной перебежчик. Оказаться заложником собственного успеха – кислая перспектива, что и говорить.

Валентин Борисович был патриотом – в том смысле, что в условиях всевластия органов сделать на родине карьеру ему было намного проще и безопаснее. Лучше предсказуемость и надежность, чем журавль в небе – считал он.

Но делать нечего, и сейчас Рюмину приходилось ждать Фурнье в парижском кафе.

Накануне он позвонил французу домой – номер он получил от запасливого Сидорова – и представился другом Наташи, прихватившим по ее просьбе «сувенир для Жана».

Фурнье охотно согласился встретиться, что еще больше усилило подозрения Рюмина. Прошло уже десять минут сверх назначенного времени, но Фурнье не появлялся. Правда, по улице метался какой-то парень, внешне похожий на вчерашнего студента.

«Неужели это и есть Фурнье? А почему не заходит в ка-

фе?» – терзался сомнениями Валентин Борисович, наблюдая сквозь витрину за этими странными перемещениями.

Ноги сами подняли его со стула и вынесли на улицу.

– Вы Жан?

– Да, месье. А вы – друг Наташи?

– Да, у меня для вас сувенир. – Рюмин сделал произвольное движение в сторону своего неизменного портфеля. – Может, зайдём в кафе?

– Ни в коем случае! Вы – сумасшедший! Мой офис на этой улице. А вдруг нас увидят вместе?

«“Э!” – сказали мы с Петром Ивановичем, – мысленно процитировал гоголевского героя Рюмин. – Да ты боишься. Хочешь скрыть наш контакт. А почему? Понимаешь, что сувенир от Наташи – это предлог, или заманиваешь?»

– Тогда, может быть, прогуляемся? – предложил Рюмин.

– Давайте, но у меня не более двадцати минут.

– Я тоже спешу. Проездом, знаете ли, в Париже.

– Да, понимаю. Как Наташа?

– Привет вам передает. И вот, просила передать. – Рюмин достал из портфеля и протянул Жану сверток, предусмотрительно помещённый в пакет с названием известного парижского магазина «Галлери Лафайетт».

– О, это так мило с ее стороны! Что там?

– Не знаю. Это ее подарок, – соврал Валентин Борисович, прекрасно осведомленный, что в конверте – дорогая палехская шкатулка, которую он сам же и покупал в «Березке» на

конторские деньги.

– Передайте ей привет от меня. Подарок я вручу при встрече, скорой встрече! Скоро приеду в Москву, – сообщил Жан.

– Хотите продолжить учебу?

– Не совсем. Вы же знаете, что мой отец – президент одной из крупнейших компаний Франции.

– Разумеется, – соврал Рюмин. В деле на Жана упоминалось, что его отец – богатый предприниматель, но более точные данные отсутствовали.

– Компания моего отца открывает представительство в России. Перестройка, гласность! Очень хорошо для бизнеса. «Это точно. Спекулянтов развелось!»

– Я назначен директором представительства компании моего отца в Москве, – со значением пояснил Фурнье.

Рюмин почувствовал, как отлегло от сердца.

Он долго и проникновенно тряс руку Жану, уверяя, что вместе с Наташей первым встретит его в аэропорту Шереметьево.

– Перестройка, – гордо сказал Рюмин на прощание и в знак солидарности поднял сжатый кулак: – Рот фронт, товарищ!

Глава 2: Консультант стоит дорого

– Не знал, что ты такая капризная! – возмутился Максимов. – Как может не нравиться Арбат?

Уже час он и его законная супружница Екатерина разбирали вещи в новой квартире и вяло переругивались.

– Я думал, что ты будешь в восторге. О нас позаботились – дали квартиру в Центре, – не мог успокоиться Максимов. – Помнишь Окуджаву? «Ах, Арбат, мой Арбат – ты мое Отечество». Целая эпоха! Писатели ходили по арбатским переулкам.

Максимов хотел еще сравнить Арбат с Латинским кварталом в Париже или районом Сохо в Лондоне, но язык не повернулся. И правильно сделал, так как это вызвало бы у Екатерины новый взрыв возмущения. Впрочем, она и так не могла угомониться.

– Саша, а что здесь хорошего? Тесно – окна в окна. Машину поставить негде. Зелени нет. Кругом одни приезжие, как на вокзале. Во дворах мусор. Появится ребенок – гулять негде. Это что, мое «Отечество»? Где они, писатели или элитная публика, о которой ты говоришь? Шпаны полно – это да!

Максимов опять вздохнул. Новые владельцы арбатской недвижимости и прочие состоятельные граждане появлялись в переулках редко, приезжая на машинах с водителем,

а свой досуг проводили в основном в загородных коттеджах и поместьях.

Здание, в котором компания «К&В» предоставила квартиру ценному специалисту и его семье, было построено в начале двадцатого столетия и некогда относилось к разряду самых дорогих и престижных доходных домов. Все квартиры в нем были уже давно скуплены новыми русскими или солидными корпорациями для своих сотрудников. Компания «К&В» капитально отремонтировала жилье Максимова, вследствие чего оно приобрело вполне европейский вид. Но подземный гараж в этом историческом строении, естественно, не был предусмотрен, а с парковкой на Арбате возникали серьезные трудности.

Переулок выходил к памятнику поэту и писателю Окуджаве, вокруг которого жизнь не утихала ни днем, ни ночью. Туристы из разных городов России фотографировались у памятника, не всегда даже зная, кто такой Окуджава. Вездесущие японцы и прочие иноземные странники торговались у киосков и сувенирных развалов, приобретая зимние шапки военного образца, значки, расписные ложки и столь необходимые в современной цивилизации лапти. Подвыпившие молодые люди распевали песни, обнимались и толкали прохожих.

Откровенно говоря, все это не нравилось и самому Максиму. Погулять здесь было забавно, а жить – не очень. В чем-то он понимал Катю, которая родилась и выросла в зе-

леном районе по соседству с Московским университетом. Ее отец был известным ученым-атомщиком и в свое время получил просторную квартиру в доме Академии наук. Школа находилась тут же, во дворе, заросшем высокими деревьями и густым кустарником. Как на даче. В районе сложилась особая атмосфера. Суетливая Москва была совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, но здесь – большая деревня, где все знали друг друга.

После окончания МГУ Катерина поступила в Лондонский университет, а затем осталась работать в британской столице в рекламном департаменте крупной нефтяной компании. Она легко привыкла к лондонской повседневной жизни, которая чем-то напоминала ей уютное детство и благополучную юность – несколько скучную, но предсказуемую и лишенную столкновений с грубой действительностью.

В Лондоне она познакомилась с Максимовым и влюбилась в сильного, красивого и спокойного парня, похожего на ее отца в молодости. Она была готова последовать за ним куда угодно, но позволяла себе покапризничать – конечно, не до такой степени, чтобы вынести мозг возлюбленному, но пощекотать ему нервы Катя любила.

– Не смогу я здесь жить! – Екатерина в сердцах бросила в угол не вовремя подвернувшееся нелюбимое платье, которое всегда вызывало у нее раздражение. – Вчера опять видела, как в переулке пьяные бомжи дерутся. И это – самая дорогая недвижимость в мире! Да за такие деньги в Лондоне можно

дворец купить.

– Не надо песен. Дворец ты не купишь. К тому же квартира нам предоставлена бесплатно. Нужно уметь быть благодарной.

– Саша, не злись. Я благодарна, просто не могу привыкнуть. Ты утром уходишь на работу, а я пока даже не смогла устроиться.

– Все будет в порядке. Я помогу тебе – найдем отличную работу, не хуже, чем в Лондоне, – успокаивал Максимов.

– Интересно, а всем новым специалистам компания предоставляет такие квартиры? – Несмотря на свои капризы и претензии, Екатерина прекрасно понимала, что ее мужа встретили в Москве по высшему разряду. Это одновременно ей льстило и беспокоило: «А за что? Не слишком ли большие авансы, и как за них придется выкладываться?»

– Думаю, что не всем, – признался Максимов.

– Почему для тебя сделали исключение?

– Давай не будем отвечать сразу на все вопросы. Поживем – увидим. Пока все неплохо.

– Да, я понимаю. – Екатерина подошла к Максиму и, нежно прижавшись, обняла его.

Почувствовав, что она томно подталкивает его к дивану и что ее нежность может иметь бурное продолжение, Максимов деликатно, но решительно запротестовал:

– Милая, я опаздываю.

Ему удалось выскользнуть из объятий жены и, отступая

спиной вперед, протиснуться в прихожую.

Прихватив портфель, Максимов трусливо бежал с поля боя.

У подъезда его уже ждала машина.

Екатерина подошла к телефону и набрала номер своей подруги Анфисы, с которой училась в одном классе и даже сидела за одной партой.

– Привет, это я. Когда мы увидимся? Да, все в порядке. Сашка убежал на работу. Нет, ничего не выйдет.

Екатерина еще пять минут слушала голос в трубке.

– Думаю, что главным консультантом его не утвердят, – жестко сказала она и повесила трубку.

* * *

Заседание Наблюдательного совета горнодобывающей компании «Интер-Полюс» проходило в только что построенном здании в Центре. На некоторых этажах еще продолжались отделочные работы, в коридорах пахло краской и лаком, а из окна уже можно было наблюдать растущие, как грибы после дождя, новые бизнес-центры, помещения в которых были арендованы на годы вперед еще на стадии котлована.

Признаки денежного изобилия проявлялись в Москве повсюду – в неутоленном спросе на коммерческую и жилую недвижимость, чему не препятствовали даже безумные це-

ны, в потоках новых дорогих автомобилей на улицах, закупоренных бесконечными пробками, потребительском буме в магазинах, где севшие на «кредитную иглу» покупатели лихорадочно скупали все подряд.

Деньги проедались, разбазаривались, исчезали, несмотря на призывы «небожителей» о том, что пора бы перейти на новые технологии, а не жить за счет распродажи энергетических ресурсов.

Максимов чувствовал, что все это изобилие временное. После роскошного застолья неизбежно наступит похмелье, а на столах останутся объедки и осколки разбитой посуды.

В этом смысле проект «Интер-Полюса» был интересен Максиму потому, что он представлял собой попытку выйти из замкнутого круга «добыл-продал-съел-добыл».

Конечно, компания хочет привлечь зарубежные займы, чтобы увеличить отдачу от месторождений, но одновременно будут построены и новые современные предприятия. Внедрение одних технологий потянет за собой другие. Главное – заняться модернизацией, а дальше сама логика процесса потребует перехода к более совершенной экономической модели.

Максиму хотелось не только прилично заработать, но и добиться реальных результатов. Он серьезно готовился к Наблюдательному совету, изучил все доступные материалы о деятельности «Интер-Полюса» и не боялся вопросов.

Вокруг длинного стола в конференц-зале рассаживались

члены Наблюдательного совета во главе с его председателем и главным акционером Николаем Семеновичем Крюковым, надевшим по торжественному случаю светлую рубашку в мелкую полоску и шелковый галстук с изображением елок макушками вниз. Обычно он появлялся в офисе в дачных брюках и поло с крокодильчиком, а то и в пестрой пляжной рубашечке – загорелый и радостный после зарубежных поездок или отдыха в своей подмосковной резиденции, откуда он ежедневно совершал набеги в гольф-клуб.

Увидев рисунок галстука, напоминающий масонский опрокинутый циркуль, Рюмин проявил к нему неподдельный интерес, но других признаков принадлежности солидного Крюкова к ордену вольных каменщиков не обнаружил и опять уткнулся в свои бумаги.

По правую руку от Крюкова устроились генеральный директор компании Виктор Владимирович Дронов и его заместитель Константин Антонович Литвин. Эти руководители реального бизнеса были настолько не похожи друг на друга, что за глаза в компании их прозвали «Пат и Паташон». Дронов – высокий, массивный, улыбчивый и взрывной – был полной противоположностью Литвину – маленькому, вечно недовольному, едкому, но дни и ночи проводящему в офисе и знающему мельчайшие детали бизнеса компании.

Среди акционеров преобладали люди среднего возраста, которых Крюков, некогда бывший ответственным работником советского Госплана, набрал из своих старых друзей и

знакомых, выбившихся в директора предприятий и торговых компаний. На фоне потертых временем физиономий попадались и более молодые, энергичные лица предпринимателей, преуспевших за последние годы и вложивших капитал в перспективную сырьевую компанию.

От чинных и многозначительных ветеранов молодые волки отличались быстрыми взглядами, более оживленной мимикой и многочисленными вопросами при рассмотрении любого проекта. Старые акционеры высказывались в ходе заседаний редко, предпочитая перетирать темы непосредственно с Крюковым, без лишних свидетелей и в полной уверенности, что их не кинут. Детали их не интересовали. Главное – они доверяли Крюкову, а это стоило не меньше, чем все активы, вместе взятые.

Правда, в последнее время проверенная временем дружба стала давать трещины. По мере роста собственного бизнеса акционеры отдалялись друг от друга, а это, в свою очередь, порождало сомнения в надежности совместной компании.

Напротив главных совладельцев устроились топ-менеджеры компании, отвечавшие за различные департаменты и виды бизнеса.

Крюков твердо следовал заветам «царя Бориса» с его знаменитым «Неправильно сели» и внимательно следил за тем, чтобы места за столом заседаний занимались в точном соответствии с вкладом акционеров и менеджеров в бизнес компании, наглядно демонстрируя, что чем больше вложено де-

нег и усилий, тем комфортнее чувствуют себя задницы их обладателей.

Крюков любил поговорить в домашней незатейливой манере, чем расслаблял даже самого недоверчивого собеседника. В этом стиле он и начал свою вступительную речь:

– М-да... э-э-э... значит, так, господа. Всем удобно? Ну, замечательно. К нам тут, знаете ли, консультанты пришли. Ну, эти, которые за каждое слово деньги берут, даже за «здравствуйте».

– У компании завелись лишние деньги, почему мы не знаем? – пошутил ухоженный и в отличие от Крюкова стильно одетый Аверкин, один из приближенных к Крюкову «ветеранов».

Он радел о благе отечества на посту генерального директора крупной транспортной компании, которая только на бумаге числилась государственным унитарным предприятием, но уже давно работала на его собственный карман.

Все, включая и настороженных молодых топ-менеджеров, вежливо заулыбались.

Реплика была не столь безобидной, как могло показаться с первого взгляда: вопрос о том, что бизнес компании недостаточно прозрачен для акционеров, вставал с завидной регулярностью.

Шуточка была опасная, с двойным дном. Она таила намек, легко превращаемый в жесткие обвинения, что Крюков и его команда скрывают подлинные размеры получаемых

компанией прибылей и недоплачивают дивиденды акционерам.

Крюков, однако, не смутился – он знал за Аверкиным немало грешков и всегда находил с ним общий язык при распределении прибыли «Интер-Полюса».

«Цену себе набивает», – подумал Крюков, бросив в ответ: – Лишними деньги не бывают. Мы как раз и собрались, чтобы договориться, как ими распорядиться. С пользой для дела. Если на новую яхту не хватает, можем подбросить «дровишек».

О том, что Аверкин под влиянием молодой жены увлекся парусным спортом и не жалел монет на приобретение дорогих яхт, поговаривали и в компании, и за ее пределами. Особенно недовольны были ветераны. Они привыкли не афишировать реальные доходы и осуждали показное мотовство Аверкина, опасаясь, что оно может привлечь нежелательное внимание и к их собственному бизнесу.

– Коли ты по рангу государственный чиновник, так будь скромнее. А то на яхтах этих как бы до Сибири не доплыть, – неоднократно предупреждал своего приятеля и акционера Крюков.

К его изумлению, плейбоем Аверкиным никто в компетентных органах не интересовался.

В среде госчиновников и на самом верху властной пирамиды финансовую удасть воспринимали снисходительно, если не нарушались требования политической лояльности, а

Крюков с его повадками теневого воротилы смотрелся уже несколько старомодно.

Тем не менее реплика подействовала, и Аверкин широким жестом показал, что его замечание не более чем «шутка юмора» и принимать ее всерьез не стоит.

Крюков грозно прокашлялся, предупреждая потенциальных шутников, что пора заняться делом.

– Господа, «Интер-Полюс» будет отмечать в этом году десятилетие своего создания. За эти годы произошли такие глобальные изменения, что, кроме названия и владельцев, уже ничто не напоминает компанию, которую мы имели в самом начале. Цифры я называть не буду – они хорошо известны и приведены в подготовленных для вас материалах.

Некоторые члены Наблюдательного совета для порядка зашелестели годовым отчетом и справками о последних показателях компании.

Выждав из вежливости несколько минут, Крюков сменил роль доброго и снисходительного дядюшки на сухую речь современного менеджера и стал сыпать модными терминами – внедрение мировых стандартов корпоративного управления, инновации, повышение информационной открытости для потенциальных инвесторов, выход на западные рынки, первичное размещение акций, социальная ответственность бизнеса.

В конечном итоге он умудрился не запутаться в этих словесных построениях, вывернулся из цепких объятий ковар-

ных слов, каждое из которых можно было истолковать по-разному – в пользу или во вред «Интер-Полюсу», – и ловко подвел к выводу, что, несмотря на значительные расходы, пора прибегнуть к услугам профессиональных консультантов.

– Но и вы имейте в виду, – грозно обратился Крюков к группе присмиривших советчиков, – что за общеизвестные истины мы платить деньги не намерены. Консалтинг-гадалкинг – это не для нас. Нам нужен конкретный результат: чтобы вся документация и системы управления были готовы к размещению акций в Лондоне. Советовать, как зарабатывать деньги в России, нам тоже не обязательно. С этим мы и сами как-нибудь справимся.

«Высший класс, – подумал Максимов, привыкший к более скучным совещаниям в западных корпорациях. – Крюков не прост! Заранее отвел все возражения и поставил дискуссию в жесткие рамки. Артист! Непонятно только, им действительно нужен консалтинг или это так – игра для инвесторов?»

Однако вопреки ожиданиям Максимова оказалось, что ловкости Крюкова для российских акционеров недостаточно.

– Получается, что Наблюдательный совет уже решил занимать деньги на Западе для расширения бизнеса. Но мы, акционеры, эту тему не обсуждали. Я по крайней мере об этом не осведомлен, – возразил совладелец одного из круп-

нейших портов Гришин.

В последнее годы он в несколько раз увеличил свое состояние и чувствовал, что его предприятие переросло масштабы «Интер-Полюса».

Финансовая независимость и порожденные ею амбиции превращали Гришина в наиболее опасного для Крюкова оппонента.

– Вы не совсем правы, – деликатно поправил внутренне-го оппозиционера Крюков. – Мы говорим о размещении акций, а не о привлечении кредитов. Это, конечно, тоже имеет целью расширить наши возможности, но изменения в акционерном капитале одобрены Наблюдательным советом. А по кредитам – вы правы – разговор будет отдельный.

Крюков недоговаривал, а фактически обманывал Гришина.

В результате малозаметных, но вполне законных маневров ему удалось значительно расширить право правления компании брать крупные зарубежные кредиты без одобрения Наблюдательного совета. В сумме размеры этих кредитов, которые разбивались на отдельные транши, были столь велики, что акционерам было лучше о них не знать – пусть спят спокойно. Поэтому у Гришина и появилось вполне обоснованное впечатление, что кредитные вопросы в Наблюдательном совете не рассматриваются, а задолженность компании перед внешними структурами возрастает.

Гришин не нашелся чем ответить изворотливому Крюко-

ву, но сразу сдаваться также не собирался.

– При разработке стратегии компании необходимо, чтобы консультанты учитывали следующее обстоятельство, – солидно заявил Гришин. – Многие крупные компании сейчас перекредитованы, долги растут непомерно и уже мешают бизнесу. Берешь, как говорится, чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда. Я требую, чтобы в поручении Наблюдательного совета для консультантов было записано, что стратегия «Интер-Полюса» предусматривает ограниченный рост внешней задолженности – мы должны опираться на собственные ресурсы. Нужно также усилить механизмы контроля над процессом кредитования.

«Вроде я с ним обо всем договаривался. Так нет, гнет свою линию, – недовольно подумал Крюков. – Ничего, продадим акции, растворим его долю, а дальше посмотрим – может, придется от него избавляться».

– Очень правильное дополнение, – сказал Крюков, не заинтересованный в открытом конфликте с «докером».

«Да здесь шекспировские страсти», – изумился про себя Максимов.

– А теперь самое время представить вам наших консультантов, – радостно сообщил Крюков. – Начнем с господина Рюмина, генерального директора компании «Консалт энд Бэнкинг».

Рюмин, как и Крюков, любил выступать по любому поводу. Сказывалась советская школа лицемерия, когда участни-

ки бесчисленных собраний и совещаний с серьезными лицами часами слушали откровенное вранье, а словоблудие почиталось одним из основных достоинств личности и обязательным условием политического благочиния.

Впрочем, Рюмин прекрасно понимал, что времена изменились и одними лозунгами не обойдешься. Он не стал расхваливать свою фирму, а сразу же перешел к содержанию консалтинга и трудностям, которые эта работа может породить для менеджеров «Интер-Полюса»:

– В заказе, который мы получили от господина Крюкова и других руководителей компании, нет ничего необычного. Традиционный контракт, который предусматривает перевод бухгалтерской отчетности на международные стандарты, консультирование по подготовке к размещению акций на Лондонской бирже, а также сопровождение возможных сделок по слиянию и поглощению. Придется провести также оценку рисков в области корпоративного управления и налоговую экспертизу. Потенциальные покупатели акций «Интер-Полюса» будут интересоваться, соответствует ли деятельность компании законодательству, чтобы не рисковать своими деньгами. Их будут интересовать процедуры соблюдения прав акционеров, прозрачность компании и ее эффективность.

– Ну, знаете, это все равно что отдать ключи от квартиры, где деньги лежат, – заметил неумолимый балагур Аверкин. – Может, им еще наши счета в офшорах сообщить или догола

раздеться?

«Шутка» имела успех. Крюков с неудовольствием отметил, что многозначительно зашептались не только «ветераны», но и более молодые предприниматели, которые обычно без возражений поддерживали его новации.

– Сеансы бизнес-стриптиза не предусматриваются, – парировал Рюмин.

– Ну, слава Богу! – с нарочитым облегчением вздохнул Аверкин.

– Интерес потенциальных инвесторов понятен, – поспешил дополнить свою аргументацию Рюмин. – Вы, я думаю, тоже не отдали бы свои деньги, не убедившись, что они надежно защищены. Никто коммерческую тайну нарушать не будет. Специфика работы консультантов как раз в том и состоит, чтобы предоставить необходимый уровень прозрачности, но при этом не раскрывать никаких секретов.

– Вот и договорились, – обрадовался раскрасневшийся Аверкин. Он заметил грозные взгляды, которые бросал в его сторону Крюков, и решил утихомирить свою мятежную натуру.

– Замечания по содержанию контракта с консультантами у членов Наблюдательного совета имеются? Нет? Принято. – Крюков повернулся к Рюмину: – У вас есть еще что нам сказать? Только если принципиально важное. На мелочи времени тратить не будем.

– Я хотел бы предупредить, что иногда наши консультан-

ты сталкиваются с недовольством и даже противодействием со стороны менеджеров. Сотрудникам компании приходится выполнять дополнительный объем работы – исполнять запросы консультантов. Отсюда и раздражение. Кроме того, бывает, что люди боятся реорганизации, полагая, что она неизбежно приведет к сокращениям и они останутся без работы. Все эти проблемы порождаются недостаточной информированностью о нашей деятельности. Необходимо довести до коллектива, что нововведения не обязательно приводят к кадровым сокращениям и не несут угрозы благополучию персонала. Мы занимаемся только совершенствованием бизнес-процессов и процедур.

– Ну, это, положим, он врет и не краснеет, – шепотом сообщил генеральный директор «Интер-Полюса» Дронов своему сердитому заместителю Литвину. – Наверняка они посоветуют сокращения, а решения, конечно, будет принимать руководство компании. Наглотаемся мы с тобой дерьма, поверь моему слову.

Литвин поверил, но ничего не сказал.

– Что вы предлагаете? – прервал Рюмина строгий и озабоченный Крюков.

Всем своим видом он показывал, что пора бы и заканчивать, а то он рискует опоздать в гольф-клуб.

– Необходимо сразу же сформировать совместную проектную команду, в которую войдут наши консультанты и представители «Интер-Полюса» по основным видам бизне-

са. Это позволит учесть опыт и конкретные предложения менеджеров.

– Все ясно: будут красть идеи и переманивать ценных работников, – вновь потревожил Дронов насупленного Литвина.

– Принято, что еще? – Крюков вел совещание уже в телеграфном стиле.

– Потребуется помещение для консультантов в офисе «Интер-Полюса». Хорошо бы, чтобы компания выделила сотрудников для связи с основными подразделениями.

– Ну, это само собой разумеется.

– Тогда я хотел бы представить господина Максимова, нашего кандидата на должность руководителя группы консультантов. Его резюме роздано членам Наблюдательного совета. Если есть вопросы, он готов на них ответить.

Максимов встал и непроизвольно поправил галстук.

– Что-то очень молодой, – поделился с Дроновым своими сомнениями Литвин, наконец-то вышедший из фазы молчания.

Его раздражали все люди высокого роста. Не понравился и открытый взгляд Максимова, посматривающего на окружающих вежливо, но отстраненно и независимо. Это воспринималось Литвиным как проявление дерзости и по меньшей мере неуважения.

– Ничего, постареет, пока они консалтинг закончат, – успокоил Дронов.

– Раз нет вопросов, тогда утверждаем контракт и господина Максимова в качестве руководителя группы консультантов. Поздравляю вас, – торжественно сообщил Крюков.

Максимов не сразу понял, что обращаются к нему. Он уже свыкся с мыслью, что реально консультантом будет Рюмин, а сейчас пытался, но пока так и не мог понять, к чему может привести это назначение. Во всяком случае, он надеялся на лучшее и от работы не отказывался.

* * *

– Меня утвердили. – После окончания совещания Максимов сразу же позвонил жене, чтобы поделиться этой новостью.

– Очень жаль!

– Не понял. Ты разве не рада?

– Нет, не рада.

– В чем дело?

– Не нравится мне все это. Потом поговорим. – В трубке раздались гудки.

Максимов еще долго стоял с телефоном в коридоре и рассеянно отвечал на поздравления.

«Очередной каприз? Чем она недовольна? В конце концов, нельзя быть такой эгоисткой!»

– Александр Михайлович, примите мои самые сердечные поздравления. Желаю вам, чтобы проект получился. Вы мо-

жете не меня рассчитывать! – услышал Максимов знакомый женский голос.

Оглянувшись, он увидел улыбающуюся Кристину.
«Она всегда улыбается», – подумал Максимов.

* * *

Анфиса, подруга Екатерины, окончила Педагогический университет и вскоре выскочила замуж за долговязого научного работника, занимающегося модными нанотехнологиями. Чем это направление науки грозит человечеству, Анфиса, как и большинство людей, не знала, но благоверного своего любила и к его загадочным исследованиям относилась более чем терпимо.

Родилась дочь, она сидела дома с ребенком, занимаясь для души и дополнительного заработка переводами. Все было бы замечательно, но не хватало денег, и Анфиса постоянно пребывала в поисках подработки.

Когда Екатерина слышала имя «Анфиса», она представляла себе высокую стройную девушку с длинными волосами. Ее подруга была полной противоположностью этому образу – маленькая, с пышными формами, смешливая. Глядя на нее, хотелось рифмовать «Анфиса – пиписа» и говорить прочие смешные глупости. Муж Анфисы был родом из немцев и носил гордое имя Конрад. Насмешники называли его за глаза Конрадом Карловичем Михельсоном (как в знаме-

нитом романе Ильфа и Петрова).

Анфиса обладала богатым тембром голоса и втайне от мужа подрабатывала в фирме, развлекающей страждущих любви мужчин сексуальными разговорами, вздохами и другими виртуальными шалостями.

На этом поприще она имела репутацию прекрасного работника – умела заводить клиента и разогревать его до экстаза своим страстным шепотом.

Екатерина заявила к подруге в самый разгар творческого процесса.

Неутомимый Конрад засиделся на работе, и Анфиса попросила диспетчера перебросить ей на дом пару клиентов.

– А, мой сладкий котик! Ты вошел в меня, я сосу твой палец. Ты все глубже! Я представляю твой член. Он разрывает меня! Возьми меня спереди и сзади! А-а-а-а-а...

Анфиса недовольно посмотрела на подругу и строго погрозила ей: предупреждать надо!

В трубке зацокало, затренькало, застонало и заухало.

Издав еще несколько томных вздохов, Анфиса, как бы на излете страсти, прошелестела прощальными нежностями и затихла.

Затем она соединилась с диспетчером и деловым голосом попросила с клиентами ее больше не соединять.

– Это называется аутсорсинг по-русски! – сообщила Анфиса. – А ты раньше пришла. Сразу видно, что недавно из-за границы приехала. В Москве все опаздывают. Ладно, са-

дись, будем чай пить с конфетками. Ты еще помнишь, что я люблю сладкое?

– Я очень рада тебя видеть, – призналась Екатерина.

– Да, я тоже соскучилась. Мы только что кота кастрировали. В одиннадцать месяцев, – вдруг пожаловалась Анфиса. – Бедненький, после заморозки ротик открыл и так дышал шумно, переживал. Ты знаешь, после кастрации коты интересуются кошечками, а самки, если их кастрировать, вообще теряют всякий интерес к противоположному полу. А ты чем занимаешься?

«Действительно, чем?» – подумала Катя.

– Как дела у мужа? – спросила Анфиса, накрывая на стол.

– Сегодня его назначили руководителем группы консультантов компании «Интер-Полюс». Крупный контракт, будет много работы. Высокая зарплата, даже очень высокая. Квартиру предоставили бесплатно на Арбате.

– Подарили?

– Нет, это служебная жилплощадь.

– Все равно здорово. Завидую и поздравляю, хоть вам в жизни везет! – с пафосом и плохо скрытым разочарованием сказала Анфиса.

– Мне не везет, – тихо заметила Екатерина.

– Что-то не пойму я тебя, подруга. Ты же любишь своего Максимова, или я не права?

– Не могу понять. Я любила его, когда у каждого было свое дело. А здесь я никому не нужна, и мне вообще ничего не

нравится. И Сашка уже не нравится. Я так надеялась, что его не утвердят консультантом. Плохие у меня предчувствия. И он переживает. Я же вижу, что он не в себе.

– А в ком?

– Твоя оральная деятельность на тебе плохо сказывается.

– Но-но, подруга, без хабальства, а то обижусь. Каждый зарабатывает на жизнь как умеет!

– Прости, конечно, я не права. Хабальства? Странно. Слова новые, какие-то вывернутые. Пять лет назад в Москве так не говорили.

– Да, все поменялось. Все стали охренительными патриотами и русопятами. Но ты лучше скажи – что с Сашкой?

– Очень озабочен новой работой, что вообще-то на него не похоже. Раньше он был более уверенным. Спит плохо. Переживает.

– Из-за работы переживает? Ну, не понравится ему, и уйдет. С его-то образованием. Никаких проблем. Чего переживать! А может, баба у него? Я тебя не случайно спросила, в ком он.

– Вроде нет.

– Дура ты, Катька! Срочно разберись, в чем дело. Может, у тебя мужика уводят из-под носа, а ты сама в разобранном состоянии. Как только у мужика трудности или, наоборот, успехи по работе, но по-любому много впечатлений, он тут же начинает искать новых баб. Или они сами подворачиваются.

– Сашка просто устал, у него депрессия, – с некоторым сомнением в голосе сказала Екатерина.

– Милая моя, никакой депрессии не бывает. Все это глупости! Их придумали лузеры, фрики и всякие бездельники. Всегда находится объяснение – лишь бы ни хрена не делать! Илья Муромец пролежал тридцать три года на печи – сил набирался. Ты знаешь другой народ, у которого герою нужно тридцать три года отлеживаться, чтобы сил набраться? Я не знаю. Сашке твоему респект и уважуха! А ты брось свою дурь, займись делом. Как у тебя, кстати, с работой?

– Пока никак, – призналась Екатерина. – Все не так просто. Я что-то к Сашке поостыла. Надоели мы друг другу, не знаю...

– А это уже серьезно, – забеспокоилась Анфиса. – Если мужик сбегал налево – полбеды. С нас не убудет. А если пустота, то плохо. Вообще-то любовь – это нервное расстройство на фоне гормональной бури. По чесноку скажу – я обожаю любые стрессы. Лелею их, ухаживаю за ними, как за розами. Колючие, но красивые! Стрессы нужны – без них кровь густеет.

Неожиданно раздался телефонный звонок.

Не на шутку разбушевавшаяся Анфиса, секунду послушав чей-то голос, рывкнула в трубку:

– Я же сказала, что занята. Никаких клиентов, мать вашу! Сами с ними еб...сь!

Переведя дух, она примирительно улыбнулась Екатерине.

– Извини, что-то я разнервничалась. Давай поговорим спокойно. У одной моей подруги муж, если влюблялся, сразу же собирал вещи и уходил. Но всегда возвращался к жене. Она даже его зубную щетку не выбрасывала. Тебе такой нужен?

– Это не мой случай. Меня Сашка устраивает. Он порядочный, умный. Сильный.

– Если хочешь по-настоящему узнать мужчину, разведись с ним, – посоветовала добрая Анфиса.

Екатерина почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

– Спасибо тебе за совет. Сильный пожирает слабого, и все такое. Это я уже слышала.

– Я этого не утверждаю, – спохватилась Анфиса. Она поняла, что переборщила со своими наставлениями, и наконец-то решила отвлечь подругу от мрачных мыслей. – Правда, бывает, что становишься зверем. Мне по крайней мере удалось побывать в шкуре белого и пушистого зайчика.

– Ты это серьезно?

– А то? Помнишь мою мать? Она была большим начальником, а меня отдала в детский сад. И так получилось, что для представления на Новый год мне роли не досталось. Я уже тогда была маленькой, но толстенькой обжорой, и на их представление мне было положить... Но мать, когда узнала, что я без роли, возмутилась и позвонила директрисе. Та в панике – что делать, все роли уже распределены? И специально

для меня придумали новую должность – помощник зайца.

– А зайцем был Конрад?

– Кажется, он. Правда, заяц из него был поганый, неубедительный. Ты не должна сдаваться! Никогда!

«Она права», – подумала Екатерина.

Глава 3: Догадки и сюрпризы

Анатолий Валентинович Веров заслуженно пользовался репутацией грозного борца с коррупцией.

Нет, он не ловил взяточников и мздоимцев, не метил купюры, не вводил в искушение алчных чиновников.

Впрочем, Веров и не взялся бы за оперативную работу.

Он никогда не служил в правоохранительных и прочих органах. Поговаривали, что Веров вовремя окончил юридический факультет правильного университета и вскоре был выдвинут на руководящую работу в аппарат правительства. Однако эта красивая версия, к которой приложил руку и сам Валентин Борисович, не отвечала действительности. Образование он получил невнятное и в правильном университете никогда не учился. Никто его никуда не выдвигал, а на вершину чиновничьей пирамиды он пробрался исключительно благодаря своим талантам, главным из которых была готовность деятельно претворять в жизнь любые, даже самые несуразные и безумные предписания начальства.

«Фактурный парень. Ему вроде по барабану, чем заниматься. Но молодец!» – эти слова одного из кадровиков точно передавали заботливо слепленный образ всегда озабоченного, многозначительного в словах и поступках Верова.

Совсем недавно он страстно сочинял планы и отчеты о борьбе с коррупцией, проявляя принципиальность и сметли-

вость. Многим запомнилось его яркое выступление перед сотрудниками российского Белого дома, когда Веров призвал «начать с себя» и в качестве первого шага запретить принимать подношения по случаю всевозможных праздников.

– Мы же подаем дурной пример! Посмотрите, что делается у подъездов перед Новым годом – в здание войти невозможно.

За неделю до Нового года в Белый дом действительно устремлялись толпы ходоков с подарочными упаковками, содержащими, как правило, бутылки с дорогими спиртными напитками и прочие корпоративные сувениры.

Начальство услышало мнение борца с коррупцией и сделало выводы. Подарочные страсти запретить не решились, прекрасно понимая, что это никакая не коррупция, а так – слезы (да и выпить перед Новым годом хотелось нестерпимо), однако распорядились выделить для «визитеров с кулками» отдельный подъезд и организовать дополнительный пост охраны для проверки содержимого даров. И правда, не взрывчатку ли хотят «втюхать» вместо горячительных напитков?

После этого случая, слегка подпортившего отношения Верова с коллегами, он все чаще читал в глазах окружающих уважение, замешенное на страхе перед неведомым. Это его не удивляло. Он понимал логику такой реакции. Наверняка думают: «Если человек легко и непринужденно может пройти по головам своих коллег, от него в любой момент мож-

но ждать чего угодно».

Ну и пусть! Больше уважать будут!

Довольно быстро Веров стал влиятельным человеком в Белом доме, от его мнения зависели и убеленные сединами генералы, и покусившиеся на государственную собственность чиновники, и крупные бизнесмены, не заинтересованные в том, чтобы их бизнес задушили бесконечными проверками.

Из придуманных им умозрительных схем борьбы с коррупцией, конечно, ничего не получилось, и чуть позднее этой деликатной проблемой вынуждены были заниматься уже другие люди. Но свою роль инновации Валентина Борисовича сыграли, проложив ему путь в высокий служебный кабинет, где он все еще иногда заглядывал в подготовленные предложения, но уже в качестве заслуженного эксперта.

Веров с удовлетворением откинулся на спинку кресла, поставив свою закорючку на очередной программе «срочных и неотложных мер». «Кажется, ничего не забыли: модернизация законодательства, собственно меры против коррупции, правовая оценка и поддержка в обществе. Последние два пункта новые, остальное уже было. Сойдет».

Он недовольно поморщился, вспомнив, что примерно два года тому назад противодействие коррупции провозглашалось в послании президента России в качестве одной из главных государственных задач, а ситуация, если верить «независимым экспертам», стала еще хуже. «Хотя какие они неза-

висимые? Абсолютной свободы не бывает!» – подумал теоретически подкованный Веров и вновь успокоился.

Люди, которые считали Анатолия Валентиновича влиятельной, но серой мышью, глубоко заблуждались. За несколько лет пребывания в столице он стал весьма состоятельным человеком и мог бы легко перейти в частный сектор, чтобы заняться собственным бизнесом. Раньше он так бы и сделал, но сейчас это вряд ли имело смысл.

Веров редко шел навстречу просьбам коммерсантов использовать свой аппаратный вес и поддержать одну из сторон в спорах о собственности. Он договаривался только с теми людьми, которых хорошо знал лично и которым полностью доверял, а такие экземпляры были, пожалуй, исключением из общей человеческой массы. Зато избирательность серьезно повышала стоимость услуг: если уж Веров брался исполнить заказ, то его услуги стоили очень дорого.

Расплачиваться приходилось не деньгами или тем более подношениями всякой белиберды, а ценными бумагами самых перспективных предприятий, которые переводились на фирмы, контролируемые его родственниками. Может, именно поэтому Веров сознательно торпедировал проекты, требующие отчета не только о доходах чиновников, но и о собственности их родных и близких.

Он был убежден, что ввести порядок, который размотал бы всю финансовую цепочку от слуг народа до принадлежащих им активов, при действующей системе попросту невоз-

можно и бессмысленно. Даже если докопаются до родственников, то неистощимые на выдумки бюрократы найдут другие, не менее эффективные приемы подзаработать.

Верову очень нравился опыт китайских товарищей.

Он с удовольствием вспоминал, что когда ему пришлось вести переговоры в штаб-квартире китайской компартии, скромно одетые партийные функционеры с извиняющейся улыбкой предупредили: «У нас демократия. Компартия не решает, но мы знаем, куда отнести бумаги».

Анатолий Валентинович прекрасно знал, куда отнести бумаги, и любил это делать даже из любви к искусству, но был не прочь извлечь из этого маршрута и серьезную выгоду – лишь бы это не грозило бессонными ночами и неприятностями для его карьеры.

Веров посмотрел на настольные часы в форме корабельного штурвала.

«Сейчас должен появиться Рюмин. Он никогда не опаздывает».

– Разрешите? – Улыбающийся Рюмин с неизменным портфелем проскользнул в кабинет и устремился к Верову, слегка привставшему из своего глубокого кресла для ритуального рукопожатия.

Ладонь у заслуженного консультанта Рюмина была сухая и горячая, нетерпеливая, хотя держался он подчеркнуто почтительно: «Власть мы уважаем». Несмотря на разницу в возрасте, они были похожи друг на друга: улыбкой, мане-

рой говорить, осторожными и быстрыми взглядами, изредка бросаемыми исподлобья на собеседников, а также абсолютным презрением к окружающим людям.

Веров познакомился с Рюминым через своего отца – тот преподавал в том же правильном университете на экономическом факультете, где будущий владелец фирмы «К&В» был одним из самых усердных студентов.

Знакомство оказалось полезным и взаимовыгодным. Рюмин поддержал своего юного друга на первом этапе его пребывания в Москве, сводил с нужными людьми и дал возможность серьезно улучшить свое материальное положение без всякого риска и опасности для здоровья.

– Рад вас видеть, – поздоровался Веров и вновь утонул в своем кресле.

Он не кривил душой. Рюмин действительно был одним из немногих людей, общение с которыми приносило удовлетворение Анатолию Валентиновичу – они говорили на одном языке и понимали друг друга с полуслова.

– Анатолий, ты никак поправился? – озабоченно спросил Рюмин.

– Да, прибавил несколько килограммов.

– Нужно больше двигаться, Анатолий!

– Не получается, бумагами завалили.

– Эх, сочувствую. Не можешь свой умище скрыть, вот и страдаешь. Талант нужно уметь прятать.

– Согласен, Валентин Борисович, но не сейчас. Потом от-

дохнем, а пока нужно выложиться – конъюнктура благоприятная. Какие проблемы?

– Не буду тебя отрывать. Постараюсь быть максимально кратким. В общем, мы заключили контракт о консалтинге с компанией «Интер-Полус».

– Хорошая компания. Потенциал, капитализация высокая. Через год-два акции будут на порядок дороже, если выберут правильную стратегию. А что сейчас – распродажу хотят в Лондоне устроить?

– Откуда ты знаешь? – изобразил удивление Рюмин.

– Ничего удивительного. Стереотипы мышления: раз решили развиваться – значит, ищут деньги и хотят продать часть акций. Сколько они готовы выбросить на рынок?

– Не более десяти процентов.

– Тогда я вообще смысла не вижу. Они, видимо, не представляют, что такое миноритарные акционеры. Нахлебаются! Да и жить придется по новым правилам. Вы бы им объяснили. Хотя зачем? Вам же контракт нужен.

– Все правильно, но есть проблемы. Сдается мне, что не все благополучно у них с налогами.

– Понял. Нужна тотальная проверка или так – пощипать маленько?

– Это будет зависеть от их реакции. Нужно покопать, и тогда выяснится весь масштаб хищений.

– Нет вопросов, копать мы умеем, – сказал Веров и внимательно посмотрел на Рюмина.

Тот, в свою очередь, многозначительно кивнул – дескать, условия распределения прибылей обычные, он о них помнит, а если будут особые пожелания, то всегда можно договориться.

– Пора наводить порядок с соблюдением налоговой дисциплины! – громко сказал Веров после этого молчаливого обмена взглядами, кивками, жестами и прочими многозначительными телодвижениями.

– Мы, в свою очередь, готовы помочь родному государству. Конечно, контракт налагает обязательства соблюдать коммерческую тайну, но когда речь идет о нарушении законов, мы рискуем оказаться сообщниками. Это не в наших правилах. Поэтому можете на нас рассчитывать, – для порядка добавил Валентин Борисович.

– А я и рассчитываю. Только вы как консультант должны учитывать, что проверки неизбежно вызовут утечку информации. Пойдут слухи на рынке, а это приведет к падению стоимости акций «Интер-Полюса». Если они поступят на Лондонскую биржу в уцененном, так сказать, виде, то их расхватают моментально. Экономический эффект от размещения вообще будет ничтожным, а возможно, и отрицательным. Это не подорвет репутацию вашей солидной компании?

«Это ты меня учишь, мальчик?!» – подумал Рюмин.

– До продажи акций на бирже может и не дойти.

– Есть другой сценарий?

Рюмин кивнул, но не стал посвящать своего компаньона в детали задуманной операции.

«Узнаешь, когда придет время, не раньше!»

* * *

Максимов встал рано. Его предупредили, что лучше приехать на работу заранее, чтобы избежать пробок. Иначе придется простоять в автомобильных заторах часа полтора, если не два.

На улице было сухо и тепло. Ничто не предвещало наступления зимы. Это поражало Максимова, ибо еще пять лет назад, до его отъезда в Лондон, в ноябре в Москве уже всюду трещали морозы и улицы были засыпаны снегом.

Максимов сделал зарядку и принял контрастный душ. Растер до красноты мускулистое тело жестким полотенцем. Выпил чашку крепкого кофе и съел два бутерброда с сыром. За годы жизни в британской столице он так и не привык к овсянке и терпеть не мог яичницу с жирной ветчиной.

Екатерина еще спала. Накануне она ходила с подругой в театр, а потом засиделась в кафе. Кажется, они еще заглянули в ночной клуб. Домой она вернулась поздно и «на большом позитиве».

«Пусть развлечется, привыкнет к Москве – хандра сама пройдет». Максимов полностью доверял жене, полагая, что на измену она не способна. Если ей надоест совместная

жизнь, она скажет об этом открыто и ее уже не удержишь. А подозревать друг друга, ревновать – зачем? Ничего это не изменит.

Беспокоило другое. Екатерина привыкла много работать, всегда была общительной и активной. Даже когда на несколько месяцев она попала в Лондоне в категорию безработных и пребывала в постоянных поисках, то не сидела сложа руки, а стала выпекать на дому вкусное печенье «а-ля рюс», которое продавала через Интернет и знакомых менеджеров в ресторанах. Правда, подобный побочный заработок, который бы считался нормальным среди американцев, не всегда встречал понимание в среде чопорных британских клерков, но Екатерине было на это ровным счетом наплевать. Она показала, что русская женщина умеет быть практичной и не боится никакой работы. В конечном итоге это только укрепило ее репутацию. И вдруг – депрессия, слезы, разочарования. А как же знаменитое «И дым Отечества нам сладок и приятен»?

«Ладно, пройдет», – успокаивал себя Максимов.

Он еще раз заглянул в спальню, достал из шкафа одежду и стал одеваться в гостиной, чтобы не разбудить Екатерину.

Для первого дня работы в «Интер-Полюсе» он выбрал самый консервативный из своих костюмов – темно-синий в еле заметную узкую полоску, сорочку в стиле «Оксфорд» голубоватого цвета, галстук «Данхилл».

Посмотрев на себя в зеркало, Максимов остался доволен:

строго, но с оттенком демократизма и академичности – мыслящий руководитель, который больше всего ценит знания и уважает людей.

Он долго держал в руках платок для кармашка на пиджаке и потом все же отложил его в сторону. В Москве воспринимают эту деталь как признак несерьезности или принадлежности к западному сообществу. В любом случае она увеличивает дистанцию в общении.

До приезда машины, которую обещали прислать из компании, еще оставалось время, и Максимов вышел прогуляться по утреннему Арбату. Было темновато и безлюдно. В легкой дымке вырисовывался памятник Булату Окуджаве – сторбившаяся, как от боли, и одновременно лихая в своем изломе фигура поэта рождала грусть. Дворники подметали асфальт. В запотевших витринах кафе отражались не выключенные с ночи уличные фонари.

Максимов обернулся и заметил остановившуюся у подъезда черную «Ауди-6», на которой его уже возили по городу. Он подошел к автомобилю, открыл дверцу и ловко устроился на заднем сиденье, поздоровавшись со знакомым водителем.

До «Интер-Полюса» доехали минут за двадцать. В эти ранние часы у здания было много рабочих, которыми руководили инженеры из всемирно известной французской строительной корпорации. Один из них увлеченно, словно в парижском зале «Олимпия», лирично и с душевным надрывом

пел: «Tombe la neige...»¹

Максимову показалось, что это ему снится.

Он протер глаза и подумал: «Сумасшедший дом».

* * *

Москва, 1995 год, сентябрь

– Ну и где же ваша хваленая стабилизация? Дунуло холодным ветерком, даже не ветром, а так – сквознячком, и вся ваша банковская система чуть не развалилась как карточный домик! – Фурнье был возмущен и бранных слов не жалел.

Только что в августе – роковом для России месяце – случился банковский мини-кризис. Кто-то задолжал, не отдал вовремя кредит, а тот, кому не отдали, в свою очередь, подставил другой банк, и оказалось, что свободных денег в банковской системе попросту нет. Еле удалось остановить панику вкладчиков, а иначе случился бы «эффект домино» – массовые банкротства банков, предприятий, а затем и полный коллапс. И все это – от небольшого по масштабам финансового сбоя.

Победителей, конечно, не судят, но они чуть-чуть не оказались проигравшими, а этих судят или попросту убивают, причем с превеликим удовольствием.

Рюмин не нашелся что сказать и предпочел вниматель-

¹ «Падает снег...» (фр.) – слова из знаменитой, ставшей мировой классикой песни Сальваторе Адамо.

но изучать меню только что открывшегося в Москве дорогого китайского ресторана. В бассейне посреди зала плавали золотые рыбки, в беседках веяло сладковатыми ароматами, по мостикам, перекинутым между искусственными прудами, семеня ногами в узких халатах, сновали специально привезенные из Поднебесной китайянки.

Негодование Фурнье было понятно – на мини-кризисе он потерял солидные деньги. А если случится более серьезное потрясение? Есть от чего прийти в расстройство.

Ровно через год после первой поездки Рюмина в Париж Фурнье приехал руководить представительством компании своего отца, созданным в России. Валентин Борисович рассчитывал, что Жан появится пораньше, но пришлось подождать, постоянно слыша от начальства: «Упустил француза, нужно было его вербовать и получить закрепляющие материалы. А так ищи ветра в поле».

Наконец Фурнье возник на московском горизонте и не возражал против встреч с Рюминым.

А дальше все пошло совсем не так, как обычно. Было непонятно, кто кого, собственно, привлек к сотрудничеству.

Фурнье не возражал против того, чтобы снабжать Рюмина информацией о деятельности или, как было принято говорить в конторе, устремлениях западных компаний в России в обмен на поддержку его собственных проектов государственными структурами. Проблема состояла в том, что как раз эту самую поддержку Рюмин организовать уже не мог.

Государство разваливалось на глазах, превращаясь в некоторое подобие товарно-сырьевой биржи. В конечном итоге Рюмин при первой возможности покинул тонущий корабль и занялся самостоятельным бизнесом.

Пользуясь старыми связями, он наводил инвестиционную компанию Фурнье на интересные предприятия и помогал скупать за бесценок их акции, которые предприимчивый француз затем перепродавал западным корпорациям намного дороже.

Спекуляции давали солидную прибыль и были взаимовыгодными. Рюмин и Фурнье стали компаньонами, а затем и приятелями, насколько это возможно в отношениях между двумя особями, не имеющими никаких моральных принципов и получающими наслаждение от пожирания добычи.

Вечер в китайском ресторане был посвящен грустному поводу – Фурнье, и так засидевшийся в Москве, собирался возвращаться во Францию. На ужин прижимистого француза пригласил сам Рюмин, так как Жан, по своему обыкновению, пытался отделаться прощальным бокалом вина с орешками у себя дома. Рюмин с грустью думал, что ему будет не хватать общения с предприимчивым и предельно циничным Жаном, которого он в свое время так наивно собирался вербовать.

– Обязательно возьмем утку по-пекински, – сказал Фурнье. – Хочу попробовать. Вообще-то я не люблю всякие «шинуазри».

Рюмин улыбнулся. Жан часто употреблял это француз-

ское словечко, которое переводилось как «китайщина», но имело и другие значения – хитрость, подвох, подделка, надувательство.

– Зря уезжаешь. В России сейчас интереснее, – сказал Валентин Борисович.

– Не возражаю, но отец стал плох – не контролирует бизнес. Я тут зарабатываю, а у него все разворовывают. «Шинуазри» сейчас во Франции побольше, чем в Китае. Так ты заказал утку по-пекински?

– Да, заказал! Еще мы берем курочку в кисло-сладком соусе с орехами кешью, карпа на пару и королевские креветки. Ну и, конечно, пирожки и жареные пельмени.

– Не забудь паровой рис для меня вместо хлеба. А нормальное вино они подают? От сливового меня тошнит.

– Возьмем лучше зеленый чай.

– Ладно. Бордо буду пить уже в Париже. Ты прав. Моя милая и нежная Франция покажется мне слишком спокойной, а француженки – фригидными.

– Можно выписать девушек отсюда.

– От них тоже нужно отдохнуть. Пожалуй, я найму азиатскую прислугу. Люблю тайский массаж и прочие их фокусы. Чай чем-то пахнет. Закажи все же двойное виски – хочется выпить.

– Неужели не вкусно?

– Вкусно, но когда же принесут утку по-пекински? – озабоченно спросил Фурнье, уже проглотивший тонко нарезан-

ные кусочки утиного мяса и не заметивший этого.

– Ты действительно думаешь, что нас ждет острый кризис? – спросил Рюмин.

– Убежден. Вы живете на подаяние Международного валютного фонда. Резервов никаких. Если залихорадит мировые рынки, волны тут же дойдут до России. А свою устойчивость вы в августе показали. Все врете, хвалитесь, а на самом деле...

– Да, и Москву мы сами подожгли, чтобы не отдавать Наполеону.

– Я бы на месте Наполеона не стал завоевывать Россию. Слишком дорогой проект. Гарантий никаких, – серьезным тоном заметил Жан.

– Слава Богу, нашелся хотя бы один разумный человек.

– Я-то разумный – в отличие от ваших правителей. Они строят финансовые пирамиды – государство берет в долг, а отдавать ему нечем. Что, не придумали других занятий? Страна огромная. А у вас все время получается как-то не так, нелогично. В общем, прогноз у меня неблагоприятный.

– Поэтому ты и возвращаешься во Францию?

– И поэтому тоже.

Рюмину было ехать некуда. Богатый папенька, как Жана, его в спокойной Франции не ожидал. Начинать жизнь с нуля было поздно, да и неразумно. Свои знания он мог максимально эффективно применять только в России.

К тому же страна стремительно менялась. Ее уже не назо-

вещь краем непуганых идиотов. «Жан не понимает, – думал Валентин Борисович, – что потрясения России необходимы. Да, ожидание кризиса висит в воздухе. Но он сметет все обветшалое, даст дорогу более умным, хитрым, расчетливым».

Таким, как он, Рюмин.

В России всегда будут грабить награбленное. Поставить точку в этом увлекательном занятии немислимо. Это противоречит национальным традициям и характеру русского человека. Передел собственности будет продолжаться вечно. Правда, придется попотеть, а может, и пролить кровь. Но он к этому готов, он даже хочет, жаждет этого.

«Эх, не поймешь ты, баранья душа, как сладок аромат денег, когда он отдает запахом крови», – отвлекся от беседы с погрустневшим французом Рюмин.

В понятие победы Валентин Борисович вкладывал многое. О необходимости скрепить бизнес кровавыми жертвами он думал и говорил скорее для красного словца, хотя ни на секунду не остановился, если бы потребовалось принести в жертву реальных людей. О нем так и говорили: «Увидит, что ему нужно подъехать на своем джипе к киоску, а мужик мешает, даже задумываться не станет – переедет и не поморщится».

И все же победа значила для Рюмина не только достижение поставленной цели, а прежде всего личное самоутверждение и превосходство. Какое наслаждение – прикинуться слабым, убогим, простовато-честным, даже наивным, чтобы

дать противнику раскрыться и показать все свое нутро, а потом ошарашить, вбить в пол, заставить унижаться, ползать на коленях, умолять о пощаде! И в ответ – поправить очки профессорским жестом, изобразить некоторую растерянность, неудобство и извиниться, обязательно извиниться за то, что не можешь поступить иначе. А потом предложить: «Поставьте себя на мое место», – заранее зная, что этот наглец только об этом и мечтает. Но не суждено ему, не выйдет, потому что мозгов не хватает!

– А ты чем займешься? – спросил Жан.

– Буду консультировать.

– Спасибо за приглашение. Все было очень мило, – сказал на прощание Фурнье. – Жаль только, что утку по-пекински так и не принесли.

Глава 4: Штрафной удар

– Слушайте, кто вам позволил совать свой нос в наши дела! Это что – консалтинг? В гробу я видел таких советчиков, в белых тапочках. Ах ты жаловаться будешь?! Это я буду жаловаться на тебя и твоих проходимцев!

Генеральный директор «Интер-Полюса» Дронов, наорав на Максимова, бросил трубку и потребовал немедленно соединить его с председателем Наблюдательного совета Крюковым.

– Николай Семенович, это Дронов. Спасибо, со здоровьем у меня все в порядке, и вам не болеть. Хочу пожаловаться. На кого? На Максимова, консультанта гребаного. Ах он уже звонил? Когда только успел! Дайте сказать, Николай Семенович. Конечно, понимаю. Ну и что? Не дам я ему сведения о налоговых и таможенных схемах. Как это не дам? А вот так и не дам! Вы настаиваете? Вы пожалеете об этом, Николай Семенович! Это приказ? Всего вам доброго!

Литвин, заместитель генерального директора компании, сочувственно смотрел на своего непосредственного начальника, пристроившись, как маленькая нахохлившаяся птичка, на самом краешке стола для совещаний.

Дронова действительно можно было только пожалеть – красный и потный, он откинулся назад в кресле и пальцами выстукивал по поверхности письменного стола мелодию

«Половецких плясок».

– Не слушает? – сочувственно спросил Литвин.

– Ни х...я!

– Вообще-то они за пределы контракта не выходят. Вот я смотрю план их работ: оптимизация налогов должна соответствовать законодательству страны и быть понятной иностранным инвесторам.

– А взятки таможенникам нужно с инвесторами согласовывать? Или так сойдет?

– Это забота консультантов, по какой статье провести эти расходы, чтобы все было прозрачно, но дело не пострадало.

– Антонович, что ты из меня дурака делаешь! Ты же, блин, понимаешь, что невозможно из одной компании сделать сразу две – одну на продажу, а другую реальную.

– Но ты же не возражал, когда контракт с консультантами подписывали!

– Во-первых, возражал. Я сразу сказал Крюкову, что «Интер-Полус» для публичной продажи акций не созрел. Не доросли мы. У нас специфический бизнес. Если все карты раскроем, то нужно либо дело закрывать, либо сразу идти в прокуратуру и сдаваться. Во-вторых, он пошел на принцип: «Если будешь возникать, можешь собирать вещи и уеб...ть из компании». Но он мне обещал, что до налоговых схем и наших таможенных фортелей, блин, консультантов не допустят.

– И ты ему поверил, а он свое мнение поменял, – подвел

итог дискуссии невозмутимый Литвин.

Краска постепенно стала сходить с багровых щек Дронова.

Он молча встал, подошел к шкафу, открыл заветную дверцу и налил на два пальца коньяку – себе и Литвину.

Выпив, Дронов заметно побледнел и успокоился:

– Ладно, что, мне больше всех надо?

Литвин, в свою очередь, закрыл папку с контрактом о консалтинге и вопросительно посмотрел: «На этом все?»

– Задержись, – сказал Дронов. – Ира, пригласите Максимова. Поговорим с этим парнем.

Максимов появился буквально через пять минут: высокий, стильный и совершенно спокойный, как будто забыл, что Дронов только что орал на него по телефону.

– Извините, – сказал Дронов. – Погорячился. Почему вы обращаетесь напрямую в службы компании, минуя генерального директора?

– Мне казалось, что мы обо всем договорились. Создана совместная рабочая группа, согласован и утвержден план нашей работы. Зачем же лишний раз беспокоить? У вас масса более важных проблем. Если каждый вопрос задавать лично вам, то мы вообще из этого кабинета не должны выходить. Поставить здесь раскладушку и проводить у вашего стола и день, и ночь.

«Он прав, – подумал Дронов. – Формально прав».

– Вы понимаете, в нашем бизнесе есть деликатные вопро-

сы. С таможенной приходится договариваться. И в налоговой сфере не все так просто – используем определенные технологии.

– Их весь мир использует. В офшорной зоне на Кипре еще недавно были зарегистрированы около ста тысяч зарубежных компаний, из них российских фирм – не более пяти тысяч.

– Ну, кипрский офшор нас уже не устраивает.

– Виктор Владимирович! – Максимов неожиданно жестко и подчеркнуто официально обратился к Дронову. – Я подписал обязательство не разглашать коммерческую тайну вашей компании. Я понимаю это дословно и не делаю из этого обязательства никаких поправок и исключений. Если вы недовольны моей работой или не доверяете мне, скажите прямо. Если все нормально, дайте возможность спокойно работать.

«Симпатичный парень. Зря я на него накатываю – в конце концов, эти вопросы надо решать с Крюковым и с Рюминым».

– Ладно, забудем! Вы получите всю информацию.

* * *

Известный московский журналист Гудков влюбился в Екатерину, когда был еще студентом, и она ему ответила взаимностью. Но идиллия продолжалась недолго: вскоре, сейчас Гудков уже не помнил из-за чего, они поругались и рас-

стались. Потом опять сошлись, но Екатерина вряд ли рассматривала Гудкова в качестве своего потенциального мужа. В то время он не производил впечатление серьезного человека, а ей хотелось «принца на белом коне».

После этого у Гудкова было много женщин, но первую любовь забыть он не мог. Его чувство со временем приобрело мифологические формы, превращая Екатерину в недоступную богиню и самое яркое воспоминание в его беспокойной жизни.

Ему рассказывали, что в Лондоне его бывшая возлюбленная окончила еще один университет и вышла замуж за инвестиционного банкира или какого-то консультанта. В Москве она практически не появлялась и Гудкову не звонила.

Он так и не женился, ссылаясь на свою вечную занятость. Только самому себе и по большому секрету он признавался, что причина не в работе, а совершенно в другом – ни одна женщина не могла заменить ее. Может, он ее действительно выдумал и реальная Катерина была далека от мифического образа, но это уже ничего не меняло. Гудков чувствовал себя неспособным к нормальной семейной жизни. Он заостенел в журналистских заботах и даже подумывал стать писателем.

Пролетел сухой и теплый ноябрь, за которым на Москву обрушились декабрьские снегопады.

Отпраздновали Новый год, бесконечно долго тянулись январские праздники.

Гудков воспользовался этой порой всеобщего отдыха и

беспробудного пьянства, чтобы уйти в творческий отпуск и дописать книжку, в которой пытался поделиться с благодарными читателями своими размышлениями о политике, бизнесе, человеческой порядочности и низости и даже – страшно сказать – о смысле жизни.

Отпуск таял на глазах, а до завершения этого эпохального труда было еще далеко. Более всего на свете Гудков теперь опасался подхватить грипп, который свирепствовал в Москве, и сорвать творческий процесс по причине инфекционного заболевания. Он запасся продуктами и решил не выходить на улицу, пока не закончит книгу.

И все же на улицу тянуло – просто пройтись, а заодно и купить свежие журналы, до которых Гудков был большой охотник. Он прикинул, что можно совершить марш-бросок до ближайшего киоска. Заходить никуда не надо, риск заразы сведен к минимуму, общаться придется только с продавцом, который сидит внутри.

И Гудков решился. Он шел по улице, радуясь пронзительному ветру, почти весенней капели, почерневшему за ночь снегу, робким лучам испуганного непогодой солнца.

Встав перед киоском на безопасном расстоянии, Гудков сделал впечатляющий заказ – свежие номера почти всех журналов, которые были в продаже.

Пожилая тетенька-продавец, изумленная необычным покупателем и желая убедиться в его платежеспособности, стремительно, как ящерица из травы, высунула голову из

окна киоска, бегло осмотрела Гудкова, громко чихнула ему прямо в нос и снова спряталась в киоске.

Гудков вытер капельки со щек, посмотрел на коварную переносчицу инфекции и обреченно побрел домой.

С крыш противно падали крупные капли воды, ноги скользили по льду, пронзительно завывал ветер.

«Как сквозняк из подворотни», – подумал Гудков.

Было мокро и холодно.

На письменном столе в беспорядке грудились листы бумаги с пометками, укоризненно подмигивал экран компьютера, застыла чашка с черной кофейной гущей.

Гудков вздрогнул от пронзительного звонка и поднял трубку.

– Здорово, писатель! Много написал? – раздался в трубке веселый голос. – Я в Москве. Уже три месяца. Решила вот тебе позвонить.

– И очень правильно сделала. Я ждал твоего звонка. – Гудков мог бы добавить «все эти годы», но подумал, что это пахивало бы мелодрамой.

– Может, встретимся?

– В любое время! Когда, где?

– Ты же москвич. Предложи сам.

– Итальянская кухня устроит?

– Обожаю! Макаронами накормят?

– Ты не изменилась, – сказал Гудков.

В недавно открывшемся «пафосном» ресторане предлагали вариации на темы средиземноморской кухни – салат из осьминога с теплым картофелем, сельдереем и маслинами, «рапсодию» из листочков рукколы с жареными креветками, козьим сыром и печеной свеклой, феттучини с куриным филе, сырным соусом и чечевицей, рыбный суп с хересом и прочие плоды кулинарной фантазии, не ограниченной традиционными рамками и предрассудками.

– Это действительно итальянский ресторан? – засомневалась Екатерина.

– Повар русский.

– Ты его знаешь?

– Знать не знаю, но догадаться несложно. Посмотри на выражения типа «помидорчики», «грибочки», «уточка». Итальянцы строже подходят к названиям. Да и не встретишь у них таких причудливых сочетаний.

– Ах да. Вижу – тут же целый раздел русской кухни. – Екатерина увлеченно погрузилась в чтение. – Какая прелесть! Я бы взяла жареных карасей с картофелем и вешенками в сметане или стерлядь на пару. Все же закажу стерлядочку – она нежнее. А ты? Может, выберешь куриные котлетки?

– Не дожدهшься. Гулять – так гулять! Винегрет с килькой, борщ и запеченную корейку ягненка. И водки в графине!

– Ты такой голодный, жена не кормит?

– Я не женат.

– Развелся?

– Нет, я и не был, – сдержанно сказал Гудков и жестом подозвал официанта. – Что ты будешь пить? – спросил он притихшую Екатерину.

– Пожалуй, тоже водку. Напьюсь с тобой.

– С горя или от радости?

– Сама не знаю.

Вопрос вертелся в воздухе, но беседа не клеилась.

Гудков ел с аппетитом и после первых двух рюмок стал с юмором и присущим ему сарказмом рассказывать о московских нравах, журналистских приколах, общих знакомых.

– Ты меня удивил, – сказала Екатерина.

– Чем? – чуть не поперхнулся Гудков.

– Стал писать книгу. Зачем тебе это?

– Ты лучше спроси о чем.

– Я знаю о чем – вернее, о ком. О нас.

– Вот тут ты глубоко заблуждаешься, мой друг. Что о нас писать? Ты сбежала в Лондон, бросила меня, вышла замуж. Банально! И писать тут не о чем.

– Тебе ничто не мешало приехать в Лондон. Ты сам не захотел.

– Во-первых, ты меня и не приглашала. А во-вторых, не нужно лукавить. Я тебе просто надоел, захотелось новых впечатлений. Вот ты и сбежала. Понимаю и не осуждаю. Я

сам себе тогда надоел.

– Допустим. А почему ты не женился? Здесь так много умных и красивых женщин. Больше, чем в Лондоне и любом другом городе.

– Я любил тебя. Нет, монахом я, конечно, не был, но от тебя так и не смог избавиться. Просто наваждение какое-то!

– Я тоже часто о тебе думала.

– Это не помешало тебе выйти замуж.

– А что мне было делать? Остаться одинокой?

– Ты по крайней мере его любишь?

– Очень любила, а сейчас даже не знаю.

Екатерина в отличие от Гудкова только попробовала принесенные яства, пригубила замороженную до синего сияния водку и задумчиво рассматривала респектабельный интерьер ресторана с коваными решетками, серебристыми зеркалами и темно-коричневыми диванами.

За тяжелыми драпировками на окнах угадывалась ночная Москва.

– Кто он? – спросил Гудков. – Сын олигарха или сам олигарх?

– При чем тут олигархи? Отец – военный, сейчас в отставке. Мать – врач. Обычная семья.

– Маленький, горбатый, сморщенный Квазимодо?

– Какой все-таки ты вредный. У меня очень симпатичный, даже красивый муж. Умный, трудолюбивый, современный. Если бы он был уродом, тебе было бы легче?

– Не имеет значения. Я все равно вызову его на дуэль, – солидно пообещал Гудков.

– И напрасно. Он отлично стреляет.

– Воевал?

– Нигде он не воевал. Его научил отец. Раньше увлекался охотой. Сейчас как все – фитнес, теннис, горные лыжи.

– Скучно. У меня есть предложение.

– Какое еще? – недоверчиво прищурилась Екатерина.

От Гудкова можно было ждать чего угодно – натура творческая и непредсказуемая. Особенно когда выпьет.

– Предлагаю тебе выйти за меня замуж.

– Вот так прямо сейчас и выйти?

– Не кощунствуй. По-нормальному выйти за меня замуж. Стать моей женой, если так тебе понятнее.

– И бросить все, что я построила?

– Ты что, строитель? Чего ты там такого построила! Придумала все. Ты меня все эти годы любила и любишь. Для меня лучше тебя никого нет. Так в чем же дело? Выходи за меня замуж – это ультиматум!

– Погоди-погоди. И бросить своего мужа? Но это же предательство.

– А меня ты не предавала? Ты меня бросила, сбежала! Это как?

Предложение Гудкова застало Екатерину врасплох. Она даже подумать не могла о том, чтобы уйти от Максимова. Да, поостыли чувства, она переживает, не может найти себя. Но

это пройдет. А Гудков? Страстный любовник, остроумный, часто наивный, искренний. Нет, ничего не выйдет.

– Послушай, – сказала Екатерина. – Я тебе очень благодарна за это предложение. Руку и сердце не каждый день предлагают. Но прошу тебя, пойми. Я очень сожалею, что мы в свое время расстались. Ни я, ни ты не виноваты. Так сложились обстоятельства. Очень сожалею! – повторила Екатерина.

– Еще не поздно все исправить.

– Нет, уже поздно, да я и не хочу. Пусть все будет так, как есть. Но я хочу, чтобы ты знал. Я как хорошо к тебе относилась, так и отношусь. Ведь мы можем быть друзьями?

– Не получится. Или полная и безоговорочная капитуляция – «руки вверх, штаны наверх», – или мы расстаемся.

– Ты серьезно?

– Нет, конечно. Куда я денусь? – сказал Гудков и солидно выпил еще одну рюмку водки. С верхом.

* * *

Максимов вновь задержался на работе. Подписывая контракт, он даже не представлял себе, как все может быть запущено. Иногда казалось, что стоит снести эту причудливую и одновременно уродливую конструкцию до нуля и построить все заново. В любом случае это было бы проще, чем пытаться приспособить бизнес «Интер-Полюса» к публичному

выходу на биржу и открыть его для назойливого любопытства инвесторов.

«Почему вы так рано уходите с работы – еще только десять часов вечера?» – спросили консультанта. «Извините, ребята, но я в отпуске»», – вспомнил Максимов профессиональный анекдот и посмотрел на часы.

Они показывали уже половину одиннадцатого.

«Поеду домой. Хоть сегодня буду пораньше».

Максимов выключил компьютер, убрал в сейф документы, надел бежевое кашемировое пальто и вышел, поставив дверь на сигнализацию.

В коридорах и похожих на спортивные площадки служебных помещениях в стиле «открытое пространство» никого не было.

Максимов подошел к столу, за которым обычно сидела Кристина, отвечавшая в группе консультантов за связь с подразделениями компании. Стол излучал аромат ее духов, в углу стояла фотография в рамке – веселый рослый парень с теннисной ракеткой.

«Наверное, жених», – подумал Максимов и в одиночестве спустился на лифте в гараж.

Екатерины дома не было.

«Опять тусуется», – безразлично подумал Максимов.

Он принял душ и в одиночестве лег на широкую кровать. Несколько минут листал журналы, потом погасил свет причудливой лампы на тумбочке – его все же сводили в «орга-

номорфные» бутики, где он приобрел этот желтоватый светильник в форме сердца.

Заснул сразу, как провалился в черную пропасть, и не слышал звука открываемой двери.

Екатерина появилась через два часа, долго возилась в душе, потом – осторожно, чтобы не разбудить, – пристроилась рядом с Максимовым.

* * *

Пронзительные телефонные трели раздались в пять утра. Звонили одновременно три мобильных телефона, выданных Максиму в «Интер-Полюсе», и городской телефон в кабинете.

– О Господи! Да выключи ты телефоны, – простионала Екатерина сквозь сон.

Максимов соскочил с кровати и поднес к уху первую попавшуюся трубку.

– Александр Михайлович, это дежурный «Интер-Полюса» Смирнов, – по-военному четко доложили в трубке. – Вас срочно вызывают на работу.

– Кто вызывает? – выдавил из себя Максимов.

– Господин Дронов. Вызвали также господина Литвина и руководителей департаментов. За вами послали автомашину.

«Что-то серьезное приключилось», – подумал Максимов,

впрыгивая в брюки, натягивая на ходу сорочку и пиджак.

Галстук он сунул в карман. «Надену по дороге. Вроде все – документы на месте».

– Ты такой незаменимый? – услышал он недовольный голос Екатерины, выбегая на улицу.

* * *

В конференц-зале во главе стола уже восседал Дронов.

Рядом в своей обычной манере, словно птичка на жердочке, устроился Литвин.

В отличие от Дронова, который выглядел свежим, будто и не ложился спать, Литвин имел помятый вид – лицо покрылось пятнами, под глазами набухли мешки. Было очевидно, что он не засыпает, не приняв стакан водки, – более изысканные напитки плохо сочетались с его образом, – и ранняя побудка была для него особенно мучительной.

Максимов заметил за столом директора финансового департамента Кострова, молодого, но уже весьма авторитетного менеджера с внешностью героя-любownika. «Непросто ему в бухгалтерии», – подумал Максимов, которому рассказывали, что красивый Костров был постоянным объектом сексуальных домогательств женщин, преобладавших в финансовом департаменте. К чести Кострова, следовало, однако, признать, что он стоически сопротивлялся греховному искушению и в общении с подчиненными женского пола был

неизменно строг, но корректен.

В зал вошли, а точнее, ворвались поднятые с постелей руководители налоговой и юридической служб, а также главный логистик Саблин, крупный и полный мужчина, с грохотом усевшийся за стол для заседаний, поближе к главным действующим лицам.

Литвин приподнял усталые веки, с мучительной тоской посмотрел на Саблина и на всякий случай отодвинулся от опасного соседа – как бы не задавил ненароком.

– У нас чрезвычайная ситуация, – сообщил Дронов. – Только что на складах арестована продукция, предназначенная для зарубежных поставок. Через два-три часа в компанию придут комиссии проверяющих, которые будут трясти нас по поводу нарушений налоговой дисциплины. Можно ожидать также обвинений в подкупе таможенников. В общем, наезд по полной программе. Хорошо, что добрые люди предупредили нас заранее. Есть время подготовиться, правда, его совсем немного.

– Маски-шоу будут? – озабоченно поинтересовался Саблин, который уже дважды пережил это представление и сохранил о нем самые неблагоприятные воспоминания.

– Вроде удалось договориться, что на этот раз без фанатизма обойдутся. Но мы должны проявить полную готовность сотрудничать с компетентными органами.

– Меня беспокоит утечка сведений из компаний, – не поднимая глаз от стола, заметил Костров. – Явная наводка на

компанию. Мы в финансовом департаменте обеспечиваем сохранность информации. Возникают вопросы: как она просочилась, по каким каналам, в каком объеме? Если мы не будем представлять всей картины, будет крайне сложно работать.

– Я тоже хотел бы это знать! – сказал Дронов и посмотрел на Максимова: – Может, вы нам подскажете?

– Вы полагаете, что утечку допустили консультанты? – Максимов не собирался прятать голову в песок и всем своим видом показывал, что готов к жесткому разговору.

– Не исключаю! – Дронов также был настроен на открытый конфликт.

«Он хочет воспользоваться этой ситуацией, чтобы прикрыть наш проект. Может, он сам все это и организовал. Предлог хороший», – подумал Максимов.

– Не будем ссориться, – подал голос пробуждающийся к жизни Литвин. – Эту тему нужно обсуждать с господином Рюминым и с нашим Наблюдательным советом. Я имею в виду господина Крюкова. Они обо всем договаривались. А мы чего будем понапрасну собачиться?

– Господин Литвин прав, – довольно громко сказал Максимов. – Эти вопросы относятся к компетенции руководителей наших двух компаний. Я же со своей стороны могу только подтвердить, что группа консультантов не нарушала коммерческую тайну и мы к этой чрезвычайной ситуации никакого отношения не имеем.

– Надеюсь, – проворчал Дронов.

– Вы требуете, чтобы мы свернули свою деятельность, я так понимаю? – спросил Максимов.

– Вот уж нет! Продолжайте, и чем активнее, тем лучше! – Дронов сделал округлый жест рукой, словно обрисовывая размеры огромного арбуза. – В глобальном, так сказать, масштабе.

«Он издевается?»

– Сейчас ваша работа для нас лучший аргумент, что мы ничего не прячем и вообще взяли курс на полную открытость. Как нудисты! – пояснил свою мысль Дронов. – А кто нас сдал, будем выяснять.

«Меня это тоже интересует, даже очень», – подумал Максимов.

Впрочем, он уже знал ответ и хотел только удостовериться в своих догадках.

Глава 5: Сезон охоты

– Не может быть! – возмутился Рюмин, разглядывая осунувшееся от волнений лицо Максимова.

«М-да, выглядит он действительно неважно. Переживает».

– Пытаются свалить на нас? Сами превратили отличную компанию в сельский сортир – изо всех щелей дует, а мы виноваты! Я позвоню Крюкову и попрошу осадить этого хама. Из Дронова такой же директор, как из меня... – Рюмин замялся.

Подходящее сравнение на ум не приходило. Себя он мог представить в любой роли, а Дронова – нет.

– Валентин Борисович, мы договорились, что вы главный консультант. У вас опыт, знание местной специфики, связи. Так посоветуйте, что мне делать? Может, отказаться от контракта, раз они сомневаются в моей порядочности? Репутация дороже.

– Вот поэтому и нельзя сдаваться. У нас как? Во всем виноват тот, кто ушел или кого ушли. Это на Западе иначе. Хлопнул дверью – сами разбирайтесь. Здесь повесят на тебя все грехи, а потом найдут, высосут нервы, выкрутят руки и посадят.

От такой перспективы Максимов совсем загрустил. «Консалтинг по-русски» оказался весьма рискованным и непред-

сказуемым занятием, как кругосветное плавание на аварийной шхуне. Настораживало и поведение Рюмина. Уж больно он уверенно держится – как будто и не особенно удивился.

Каких сюрпризов от него еще ждать? Может, послать его куда подальше с его советами и выйти из игры, пока не поздно?

Нет, он прав. За все заплатит тот, кто повернется спиной. Как в волчьей стае.

– Давай сделаем так, Александр Михайлович, – предложил Рюмин. – Посиди со своими ребятами и составь список документов и сведений, представляющих коммерческую тайну, которые вы получили в «Интер-Полюсе».

– Такой список есть.

– У тебя в списке перечислены все полученные документы, а я имею в виду «чувствительную информацию», причем полученную не только в письменной, но и в устной форме. И укажите круг лиц, которые знают об этих сведениях в группе консультантов, а также от кого они получены и где хранятся.

– В принципе это можно сделать. Потребуется один-два дня, если очень тщательно.

– Вот именно, очень тщательно. Это для разговора с Крюковым, чтобы он видел, что у нас все под контролем. Этот список в компании хранить не следует – а вдруг выемка документов? Передадите его мне, так надежнее, – пояснил Рюмин.

«Уже теплее», – подумал Максимов.

– И еще одно, – продолжал Рюмин. – Ты уверен, что они нам дают реальную и, главное, полную информацию о финансовых проводках?

– Думаю, что они дают не всю информацию. Мы не видим, кто реально является бенефициаром в офшорных зонах.

– Ну, до этого в принципе можно докопаться. А вот по офшорным получателям у тебя полная картина? – спросил Рюмин и бросил быстрый изучающий взгляд.

«Как он опасен! Ведь я представляю себе процентов десять его реальной игры, не больше...» Максимов почувствовал, что по спине стекает холодный пот. Из глубин сознания поднимался инстинктивный страх, как у человека, который вдруг заглянул в бездонную пропасть.

– Других данных у меня нет, – ответил Максимов.

– А у меня есть. Даже пока не информация, а так, отдельные сигналы. Вроде бы они хранят самую важную информацию за пределами компании, в арендованном помещении. Там круглосуточное дежурство. В случае опасности – выемка, захват и все такое – дежурный нажимает на кнопку – и привет! Все стирается. Это хранилище для оперативного управления компанией. А копии хранятся в еще более засекреченном месте. Вот в чем бы нам разобраться!

– А зачем нам это, Валентин Борисович?

– Ты хочешь стать генеральным директором «Интер-Полюса»?

– Нет, даже не думал, – честно признался Максимов.

– А зря! Придется!

* * *

Выждав, пока за Максимовым закроется дверь, Рюмин достал лист белой бумаги и дорогую перьевую ручку. Он хранил ее отдельно и пользовал в особо торжественных случаях. По сути дела, Валентин Борисович приравнивал свою ручку к наградному оружию, справедливо полагая, что она обладает поражающей силой, превосходящей любое огнестрельное оружие.

Рюмин писал важный документ – нечто среднее между анализом ситуации, описанием реакции Максимова и докладом в компетентные органы. Бумага быстро покрывалась ровными, аккуратными строчками.

«Не уверен в Максимове. Его поведение кажется естественным только на первый взгляд. Пока не располагаю сведениями, достаточными для однозначных выводов, но считаю необходимым провести его тщательную проверку».

Подумав минут пять, Валентин Борисович взял еще один лист бумаги и написал на нем фамилии главных действующих лиц разворачивающейся на его глазах пьесы, в которой он был одновременно режиссером и ведущим актером. Это было нарушением инструкции. Полагалось использовать только псевдонимы. Но проконтролировать творчество Рюмина было некому. Люди, которым он направлял по-

добные записки, уже давно поливали капусту на приусадебных участках или отошли в мир иной. А с новыми бойцами невидимого фронта Валентин Борисович связываться не хотел. Он им не верил.

Рюмин увлеченно составлял этот документ только для одного потребителя – для себя. Устоявшаяся в течение десятилетий форма привлекала его своим совершенством и лаконичностью. Он привык мыслить в этих рамках и всегда получал блестящие результаты. На чистом листе бумаги он написал «Дронов», а затем провел прямую линию со стрелкой к фамилии «Крюков». Под этой незатейливой конструкцией где-то посередине он изобразил фамилию «Максимов». Теперь требовалось поставить номер, который означал задуманную операцию. Здесь Рюмин считал необходимым всегда шифровать свои действия.

Номер 1 означал вербовку и тайное сотрудничество, номер 2 – компрометацию и отстранение от должности – «вон из игры», номер 3 – физическое устранение и так далее. Все как в том задымленном кабинете, где на глазах у него решались судьбы студентов, беззаботно обучавшихся в столице «развитого социализма».

Только выбор вариантов стал побогаче.

Рюмин еще немного подумал и аккуратно вывел рядом с кружочком, изображавшим Максимова: «Вариант № 4».

Затем он убрал оба листочка в сейф.

После завершения операции они подлежали уничтоже-

нию.

* * *

– Я буду поздно, – ответила по мобильному Екатерина.

Максимову хотелось запустить трубку в стену, но это потребовало бы лишних движений, а он устал. Часы показывали уже половину одиннадцатого вечера. Назвать консалтингом то, чем он занимался все эти дни, язык не поворачивался. Латание дыр, «Тришкин кафтан», «собачий цирк» – все, что угодно, но только не консалтинг.

Предложение Рюмина занять место генерального директора «Интер-Полюса» показалось Максиму абсурдным. Это при живом-то Дронове? На каком основании? Дронов хорошо знает бизнес, он мог бы стать даже владельцем компании, если бы на старте у него было достаточно денег. Но не суждено – так и застыл на уровне «топ-», но все равно наемного менеджера. Может, поэтому он и злится?

Хотя в чем, собственно, абсурд?

С чувством юмора у Дронова вообще напряг. Там, где можно решить все спокойно, нагнетает истерию. Орет, бешется. Умные люди от него уходят. Разве это – современное управление? Феодализм вперемишку с идиотизмом. Компания упускает массу возможностей, превращается в кладбище надежд. Потенциал – огромный, а мастерят все на коленке.

«Я себя уговариваю? Уже и аргументы появляются сами собой. Значит, хочешь стать генеральным директором? Рюмин это понял и играет на тебе, как на скрипке». Максимову стало даже интересно, куда дальше поведет подсознание и что подскажет неожиданно пробудившийся внутренний голос.

Он не узнавал себя – привык мыслить логически: тезис, антитезис, синтез. В обычных схемах он стремился исключить эмоции – только проверенные факты, из которых нужно выстроить максимально эффективную и устойчивую систему. Сейчас все получалось наоборот – более важными становились ощущения, догадки, интуиция.

«И что все-таки происходит с Катей? Ладно, в конце концов, это ее дело, как проводить время. Хочет отвлечься – пусть. А что я могу предложить? Свои сомнения. Она приехала к другому мужу – уверенному. Не нужно ее грузить. Ей и без того сложно. А мне?»

Несмотря на все эти доводы, Максимову было обидно. Получалось, что жена бросила его в самый сложный момент, занимается только собой, как чужой и абсолютно безразличный к его проблемам человек.

Максимов встал, потянулся – затекли плечи и спина. Тело привыкло к регулярным силовым нагрузкам, а сейчас пребывает все больше в скрюченном состоянии.

В зале было пустынно. Только Кристина работала за компьютером. На ее столе стояла чашка остывшего кофе. На

экране высвечивалась таблица, которую она заполняла цифрами.

– Я давно хотел спросить: кто это – жених?

Кристина вздрогнула от неожиданности и обернулась.

– Вы меня испугали. Даже не слышала, как вы подошли.

– Пора домой, Кристи. – Максимов впервые назвал ее уменьшительным именем.

– Много работы. Вы же знаете. А это – мой брат.

– Симпатичный парень, чем занимается? – Максимов с удовольствием разглядывал Кристину.

Лет примерно двадцать пять. Длинные светлые волосы. Строгий костюм плотно облегал стройную фигуру. Продолговатое бледное лицо, тонкие черты. Очень серьезная, но всегда приветливая.

«Похожа на финскую или норвежскую красавицу. Ах да! Она, кажется из Белоруссии. И фамилия – Матусевич».

– Кристи, а может, нам все сейчас бросить и пойти отсюда куда подальше? – неожиданно бесшабашным тоном предложил Максимов.

– Нельзя ли уточнить маршрут движения? «Куда подальше» – это куда? – рассмеялась Кристина.

– Уточняю свое предложение. В какое-либо уютное кафе, где можно спокойно посидеть, поговорить и поужинать.

– Неожиданно, – застеснялась Кристина. – Я была в полной уверенности, что работа для вас – все. Высшее наслаждение.

– Кристи, ты ошибаешься! Как моя идея?

– Я согласна.

* * *

Волосы Кристины излучали одуряющий аромат. В полумраке казалось, что они золотого цвета.

«Почему я не замечал этого раньше?» – думал Максимов.

Кафе в подворотне старого московского дома недалеко от консерватории было похоже на квартиру. Иллюзию домашнего уюта создавали свет настольных ламп, книжные полки, домашняя мебель.

– Приятное место. Именно то, что надо, – сказал Максимов.

– Здесь никому ни до кого нет дела, – улыбнулась Кристина. – Как в реальной жизни.

– Расскажи мне о себе. Я слышал, ты из Белоруссии.

– Предки из Белоруссии. А я родилась и выросла в Москве.

– Родители живы?

– Разошлись. Отец живет на даче. Его интересует только теннис. В Москве появляется редко. Мама уехала за границу – вышла замуж за итальянца, живет в Австрии.

– Ты бывала у нее?

– Гостила.

– Как тебе Австрия? Хотела бы там жить?

– Не знаю. Красиво, конечно, особенно центр Вены. Все стерильно. Как будто духами побрызгали и ароматной дезинфекцией. Такое впечатление – даже птицы, когда пролетают над старыми кварталами, терпят. Вечером – безлюдно. Какой-нибудь бургер в бабочке и на «мерседесе» медленно проедет – в Оперу или из Оперы. Наших, правда, много. Их сразу узнаешь. И турок – ходят группами в кожаных куртках и кепках. – Кристина криво усмехнулась.

«А она остроумна. Она не так беззаботна, как кажется».

– А брат... тоже в Москве?

– Это вопрос? – спросила Кристина.

– Нет, конечно. Просто хочу о тебе все знать.

– А зачем?

– Не подумай ничего плохого, – смутился Максимов. – Чисто человеческое любопытство. Если тебе неприятно, можешь не рассказывать. Давай все же перейдем на ты. Я уже перешел.

– Да, я заметила. Не обижайся. Я бываю противной. Конечно, я все тебе расскажу. Почему бы и нет? Брат живет и работает в США – переводчиком в Организации Объединенных Наций. Он хорошо владеет английским. Женился. Мы с ним очень дружили. Он меня защищал, и было с кем поделиться. А с родителями отношения никакие. Теперь он уехал, и я осталась одна.

– Поедем к тебе?..

Кристина ничего не ответила.

Она молча встала, взяла Максимова за руку и пошла с ним к выходу.

* * *

– Я сам давно хотел с вами поговорить. – Дронов встретил Рюмина на пороге своего кабинета и заботливо усадил его в кресло, предназначенное для почетных гостей. Сам же пристроился на стуле, который шумно отодвинул от длинного стола.

– Да и мне хотелось к вам приехать. Все не получалось. Сами видите, какая ситуация. Навалилось на нас! – проникновенно сказал Валентин Борисович.

– Но вам-то что? Консультанты, как всегда, вне критики. Это нам приходится отдуваться.

«Все-таки ты хам. К тебе человек пришел, а ты сразу в позу – вы насоветовали, а мы расхлебываем! И заискиваешь, и гадишь одновременно...» Рюмину очень не понравились слова генерального директора «Интер-Полюса», но он помалкивал и только смотрел прямо в глаза Дронову с глубоким сочувствием.

– А тут еще размещение акций, совсем не ко времени, одно за другим, – поделился совсем расслабившийся Дронов.

– Я чем-то могу помочь?

– Да вряд ли. Сейчас будем с налоговиками разгребать, потом с таможней. Нужно срочно разблокировать склады –

иначе знаете как бывает: конфискуют продукцию, продадут по бросовым ценам или вообще растащат и концов не найдешь, – вздохнул Дронов.

После секундного ликования по поводу тонкого понимания ситуации, которого он никак не ожидал встретить у «этого гребаного консультанта», Дронов вернулся в свое обычное состояние недовольства, возмущения и растерянности.

– Реализация конфискованного товара через свои левые фирмы – это целый бизнес, – подтвердил Рюмин.

– Вы их тоже консультировали, ну, этих «коммерсантов», которые налево сбывают? – с хитрой улыбкой поддел Дронов.

«Точно хам. С тобой чуть расслабишься, и ты тут же сядешь на шею. Ладно, сука, я потерплю», – еще более проныковенно улыбнулся Рюмин.

– Все шутите!

– Какие уж там шутки. Надежда только на то, что переживем этот кризис. Не такие беды случались. Ничего, обойдется.

«Не обойдется, и не надейся».

– По вашему мнению, размещение акций сейчас не совсем уместно?

– Да. А что? – насторожился Дронов.

– Вы совершенно правы.

Дронов откинулся на спинку стула.

Рюмин опять его удивил, и на этот раз довольно сильно.

«В чем дело? Какую игру он затеял?»

Но Валентин Борисович не дал Дронову возможности подумать и прийти к каким-либо связным умозаключениям.

– Я придерживаюсь такой же точки зрения. Выходить с публичным размещением акций на Лондонскую биржу сейчас нежелательно. Во-первых, цена акций сильно упадет, как только станет известно о возникших трудностях. Во-вторых, интерес к ним проявят в основном биржевые спекулянты, готовые рискнуть, а не стабильные инвесторы. Акции пойдут гулять по рукам. Жулье – оно и есть жулье: новые скандалы, один за другим. Это подкосит компанию, а ей нужна передышка и предсказуемость.

– Разумно. Рад, что вы понимаете ситуацию. Признаться, не ожидал – думал, что для вас главное – заполучить контракт, а дальше трава не расти – признался Дронов.

– А я действую как раз в соответствии с контрактом. Его смысл в том, чтобы дать компании стимул в развитии и привлечь дополнительные ресурсы. Именно из этого мы и исходим. Если цель не будет реализована, виноваты будут в первую очередь консультанты. Репутация моей фирмы упадет ниже плинтуса. Мне это нужно?

– Да, понимаю. Значит, придется отложить контракт до лучших времен? – с легкой надеждой спросил Дронов.

Он пытался расшифровать замысел Рюмина, понять его тайный смысл, докопаться до истины.

В благородство консультанта он не верил. Понятно, что

Рюмин опасается пролететь вместе с «Интер-Полюсом» и оказаться, так сказать, в одной куче дерьма. Но мужик он тертый. Значит, не все так просто.

Дронов помолчал. Инициатива разговора была уже у Рюмина – пусть он и продолжает, а мы посмотрим.

Сомнения «хама» не укрылись от внимания Валентина Борисовича, но он решил не менять тактику. «Начнешь метаться, придумывать новые ходы, суетиться – будет еще хуже. Лучше продавливать свои аргументы и не замечать возражений, игнорировать логику собеседника. На таких, как Дронов, это действует».

– У меня конкретное предложение, – начал жестко давить Рюмин. – Вместо того чтобы выбрасывать акции на биржу и терять контроль над ними, лучше найти солидного инвестора и продать ему весь пакет, но с четкими обязательствами с его стороны. Без права перепродажи в обусловленный период времени. Без всякого риска компания получит ресурсы для развития.

– А вы свои комиссионные, – не удержался от комментария Дронов.

– Крупная сделка, – проигнорировал это замечание Рюмин, – подтвердит надежность «Интер-Полюса» и погасит нежелательные слухи. В результате стоимость акций пойдет вверх. Вот тогда вы действительно сможете реализовать часть акций на рынке по выгодной и справедливой цене – если, конечно, захотите. Но я думаю, что этого не потребуется

– на данном этапе привлечение серьезного инвестора решит все проблемы.

«Красиво излагает, собака. Вроде все правильно. Хуже нам, во всяком случае, не будет».

Помолчав некоторое время и водрузив на лицо маску глубокой задумчивости, Дронов счел своим долгом от восторгов воздержаться.

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! Где же нам такого доброго дядю найти? – мечтательно сказал Дронов и скептически посмотрел на Рюмина.

– Мы бы взялись за подбор инвестора, – предложил Валентин Борисович. – Но для этого нам нужно принципиальное согласие руководства «Интер-Полюса» и внесение изменений в контракт о консалтинге. Порядок есть порядок. Если компания воздерживается от публичного размещения акций и настроена вести переговоры с конкретным инвестором, это меняет цели, формы и методы нашей работы, а также критерии эффективности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.